

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXXIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

IV. АВТОРЕФЕРАТЫ ЗАЩИЩЕННЫХ ДИССЕРТАЦИЙ

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

СОГД И ЧАЧ

(Автореферат кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 28 апреля 1948 г.)

«Сугда, вторая обитель благословения, богатая людьми и скотом»¹ — область древнейшей цивилизации в Средней Азии, развивалась на устойчивом ирригационном земледелии. Ремесленным, торговым и культурным центром ее был гор. Самарканд. Чач (Шаш), обнимавший земли орошения рек Чирчика и Ангrena, как страна такой же древней земледельческой культуры несколько отставала в развитии, испытывая постоянное воздействие кочевников, обитавших к северу и востоку в пустынных степях. Несмотря на большое расстояние (около 250 км), разделяющее эти области, они тесно связаны между собой общностью основ хозяйствования, этнически и положением на главной линии торговых связей в Средней Азии.

В основе работы лежат археологические материалы, полученные автором во время наблюдений на строительстве Ташкентского канала в 1940 г., при раскопках замка Ак-Тепе на северной окраине гор. Ташкента в 1940 и 1941 гг., а также при исследованиях городища Афрасиаба (домонгольский Самарканд) в 1945—1947 гг., производившихся по поручению Института археологии и истории АН Узбекской ССР, и раскопках на городище Пянджикента в 1947 г. (Таджикско-согдийская экспедиция под руководством А. Ю. Якубовского). Особое значение для нас имеют работы Г. В. Григорьева в Чаче, увенчавшиеся открытием культуры Каунчи, и на городище Тали-Барзу, в 6 км к югу от Самарканда, позволившие ему дать первый опыт периодизации археологических материалов Согда.

В результате перечисленных исследований автор считает возможным предложить следующую периодизацию истории материальной культуры в Согде и Чаче (см. табл. на стр. 153 и рис. 69—73).

В Чаче наша периодизация открывается временем развитого бронзового века, который может быть датирован серединой II — началом I тысячелетия до н. э. Для него известны скорченные захоронения (на боку) в курганах, клады и отдельные находки, характеризующие оседлый пастушеско-земледельческий быт на уровне средней ступени «варварства». Поселения не обнаружены. Типичны сосуды в виде горшков с отогнутым венчиком, выпуклым корпусом и плоским дном, украшенные линейным и зубчатым штампом, бронзовые вислообушные топоры казахстанского типа,

¹ Зенд-Авеста. Вендидад I.

Периоды	Даты	Согд	Чач
Поздняя пора бронзового периода	XV—VIII вв. до н. э.	Случайные находки	Вариант андроновской культуры
Сако-ахеменидский	VI—IV вв. до н. э.	Афрасиаб I	Бургулюк I Бургулюк II
Сако-эллинистический	IV—II вв. до н. э.	Афрасиаб II Афрасиаб III	— —
Кангюе-юечжийский	II—I вв. до н. э.	Афрасиаб IV Тали-Барзу I	Каунчи I Каунчи II
Кушанский	I—IV вв.	Тали-Барзу II Тали-Барзу III	Джунская культура
Эфталитский	V—VI вв.	Тали-Барзу IV	—
Тюркский	VI—нач. VIII вв.	Тали-Барзу V	Замок Ак-Тепе
Мусульманский	VIII—XII вв.	Четыре культурные стадии Афрасиаба	

ножи срубного типа, массивные бронзовые браслеты.² Для бронзового века в Чаче отчетливо видны связи с андроновской культурой Казахстана и Семиречья, что дает право условно определять его в качестве варианта этой культуры.

Для эпохи бронзы из Согда нам известен только один своеобразный проушной бронзовый топор в виде кайла, который по типу, возможно, связан с древними культурами Передней Азии.³

У саков Семиречья в VII—IV вв. до н. э. вместе с железом продолжает широко употребляться и бронза.⁴ Такое же значение бронза сохраняет в течение этого времени и в Чаче, где из нее делаются обоюдоострые кинжалы, однолезвийные ножи, втульчатые двухлопастные наконечники стрел, двушковые кельты (типа третьей группы минусинских кельтов).⁵ Культура эта еще недостаточно изучена и известна пока только по случайным находкам. Она определяется нами в качестве первой стадии бургулюкской культуры. Ее, повидимому, следует связывать с теми приаксартскими варварами, которые в союзе с саками заставили Александра Македонского построить на левом берегу Яксарта (Сыр-Дарья) для обороны город Александрию.⁶

Стадия Бургулюк II известна поселениями Средне-Чирчикского р-на. Поселения (до 200 м в поперечнике) с ямами больших землянок, наличие сырцовых кирпичей, обилие небольших (длина 34, ширина 14 см) зернотерок, каменных пестов и разных терок — свидетельствуют об оседлом земледельческом быте. Кости домашних животных (преимущественно коровы,

² М. Э. Воронец. Археологические исследования 1937—1939 гг. в УзССР. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 335; его же. Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН УзССР. Материалы по археологии Узбекистана, т. I. Ташкент, 1948, стр. 65.

А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкенском канале. Изв. УзФАН СССР, 1940, № 3, стр. 30.

³ Его же. Археологические находки в Таджикистане. КСИИМК, вып. 20, стр. 74 и сл.

⁴ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943, стр. 9—10.

⁵ Изв. УзФАН, 1940, № 3, стр. 30—31.

М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. Труды Отдела истории первобытной культуры, Гос. Эрмитаж, I, стр. 262—266, стр. 257, рис. 2.

⁶ Арриан. III, 30; IV, 1.

С о г д I. Бронзовый топор, найденный случайно в районе гор. Пянджикента (старое собрание Самаркандского музея)

II. 1 — каменный молоток без сверлины (городище Афрасиаб, раск. 1947 г. в пункте № 43); 2 — железный серп (строительство дороги через Афрасиаб в 1947 г.); 3 — бронзовое зеркало (там же); 4 — железная лопаточка (там же); 5—7 — глиняные сосуды (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 35); 9 и 10 — глиняные котлы (строительство дороги в 1947 г.)

III. 1 и 2 — кубковидные сосуды; 3—5 мисочки; 6 — котел; 7 — верх большого кувшина; 8 и 9 — разрез венчиков хумов (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 46)

IV. 1 и 2 — кубки; 3 — верх небольшого хума; 4 — верх кувшина; 5 — детский молочник; 6 — верх кувшина; 7 и 8 — венчики хумов; 9—11 — мисочки; 12 — глиняное грузило для ткацкого станка (раск. 1947 г. в пункте № 2)

V. 1 — кубок (Афр., раск. 1945 г. в пункте № 2); 2 — кубок (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 16); 3 — кубковидная чаша (раск. в пункте № 2); 4 — верх кувшина (раск. 1946 г. в пункте № 16); 5 — плошечка (раск. 1947 г. в пункте № 2); 6 — верх сосуда (раск. в пункте № 16); 7 — котел (там же); 8 — кубок (там же); 9 и 10 — мисочки (раск. в пункте № 2); 11 — венчик хума (там же); 12 и 13 — грузики для ткацкого станка (там же); 14 — железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы (раск. 1945 г. в пункте № 2); 15 — стеклянная бутылочка с обломанным горлом (там же в 1947 г.)

VI. 1 — кубок (городище Тали-Барзу, раск. Григорьева); 2 — верх сосуда (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 21); 3 — чашечка (там же); 4 — кубок (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 21); 5 — глиняная фигура с головой барана (раск. Григорьева на Тали-Барзу); 6 — небольшая корчага (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 21); 7 — крышка для хума (там же); 8 и 9 — венчики хумов (там же); 10 и 11 — грузики для ткацкого станка (там же)

VII. 1 — кубок; 2 — сосудик с ленточной росписью; 3 — кувшин с ленточной росписью ангобом (раск. Григорьева на Тали-Барзу)

VIII. 1 — энохоя; 2 — чашевидный кубок; 3 — корчага; 4 — сосудик с ленточной росписью ангобом (раск. Григорьева на Тали-Барзу)

IX. 1 — чашевидный кубок (раск. Григорьева на Тали-Барзу); 2 — мисочка (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 2); 3 — чашевидный кубок (там же); 4 — кувшинчик (там же); 5 — чашевидный кубок (там же); 6 — детский молочник (там же); 7 — венчик хума (там же); 8 и 9 — прислицы (там же); 10 — железный нож (там же)

X. 1 — кружка с оттисками гранатов и слюдяной обсыпкой (раск. Григорьева на Кафир-Кала); 2 — кувшин (там же); 3 — тарелочка, покрытая красным ангобом (раск. 1947 г. в пункте № 36); 4 — верх кувшина с согдийской надписью (там же); 5 — кружка с оттисками гранатов и слюдяной обсыпкой (там же); 6 — кружка с узором камелюрами (там же); 7 — кувшин с резным узором (там же); 8 — тарелка с красным ангобом (там же); 9 — верх котла (там же); 10—12 — венчики хумов (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 2); 13 — железный наконечник стрелы (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 26)

XI. 1 — кружка, украшенная срезами по плечу (Афр., раск. 1945 г. в пункте № 4); 2 — железный нож (Афр., строительство дороги в 1947 г.); 3 — стеклянная кружка с рельефным узором (там же); 4 — стеклянная кружка с рельефным узором (Афр., раск. 1945 г. в пункте № 4); 5 — стеклянная рюмка (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 2); 6 — глазированная чашечка с зеленой, коричневой и желтой росписью (Афр., строительство дороги 1947 г.); 7 — светильник неглазированный (там же)

XII. 1 — глазированное блюдо (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 21); 2 — голубовато-зеленая роспись с арабской надписью на блюде того же типа (Афрасиаб, по И. А. Сухареву); 3 — копила (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 38); 4 — кувшин (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 30); 5 — большой кувшин (там же); 6 — светильник, покрытый зеленоватой глазурью (там же); 7 и 8 — котлы (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 21); 9 — кувшинчик (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 30)

XIII. 1 — прочерченный узор на глазированном блюде (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 21); 2 — белая глазированная чашечка с арабской надписью (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 30); 3 и 4 — фрагмент блюда и арабская надпись на блюде (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 20); 5 — горло стеклянного сосуда (Афр., пункт № 51); 6 — белый глазированный светильник (Афр.); 7 — железный наконечник стрелы (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 30); 8 — коричневая глазированная ваза с белой росписью (там же); 9 — кувшин (там же)

XIV. 1—3 — коричневая роспись на белых глазированных чашах (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 41); 4 — стеклянная чашечка (Афр., пункт № 10); 5 — горло бутыли (там же); 6 — стеклянная рюмка (там же); 7 — голубой глазированный светильник (Афр.); 8 — железный нож (Афр., пункт № 10); 9—11 — железные пластинки от панциря (там же)

Ч а ч XV. 1 — бронзовый нож (Ташкентский музей, случайная находка); 2 — бронз. вислобушный топор (Чимбайлыкский клад); 3 — бронз. нож (то же); 4 — бронз. булава (то же); 5 — каменное полированное орудие (Ташкентский канал, с. Урта-Сарай, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); 6 — бронз. браслет (с. Искандер в верховьях р. Чирчик); 7 и 8 — глиняные сосуды (с. Ореховское, Средне-Чирчикского р-на 1940 г.)

XVI. 1 и 2 — бронзовый кинжал с обеих сторон (Урта-Сарай); 3 — бронз. нож с обломанным концом (с. Ангар, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); 4 — бронз. нож (с. Урта-Аул, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); 5—7 — бронз. кельты (собрание Ташкентского музея); 8 — бронз. нож (то же); 9 — бронз. кельт «мютыга» (то же); 10 — бронз. копье (Фергана)

XVII. 1 и 2 — круглодонные сосуды (поселение на овраге Бургулюк близ Урта-Аула, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); 3 — глиняная крышка для котла (там же); 4 — сосуд (поселение на правом берегу р. Ангрена у с. Караташ, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); 5 — глиняная фигура, фрагментированная (поселение на овраге Бургулюк); 6 — фрагмент чаши с росписью красным ангобом (там же); 7 — край котла с выступом (там же); 8 — котел (там же); 9 — стенка котла с ручкой (там же); 10 — каменный пест (там же)

XVIII. 1 и 2 — глиняная чаша (городище Кауничи, по Г. В. Григорьеву); 3 и 4 — венчики хумов (там же); 5 — костяная пластинка от лука (там же); 6 — прислицы (там же)

XIX. 1—3 — кружки с ручками в виде животных (с. Беш-Бай, Средне-Чирчикский р-н, 1940 г.); 4 и 5 — кувшины (там же); 6 и 7 — котлы (Кауничи, по Г. В. Григорьеву); 8 — кувшин (Беш-Бай); 9 — кувшин с ручками (там же); 10 — сосуд (там же); 11 — миска (там же); 12 — прислицы (Кауничи, по Г. В. Григорьеву); 13 — глиняная фигура с головой баранов (там же); 14 и 15 — венчики хумов (там же); 16 — костяная пластинка от лука (там же); 17 — нож (Беш-Бай); 18 — косметическое каменное острое (там же); 19 — каменная пуговица (там же); 20 — бронзовые бубенчики и бусы от повязки-браслета (там же)

XX. 1 — кувшин (Урта-Аул, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); 2 — костяная пластинка от лука (курганы на арыке Джун, у гор. Янги-Юля, по Т. Г. Оболдуевой); 3—5 — кружки (Урта-Аул); 6 — курильница (там же); 7 — миска (там же); 8 — бронз. зеркало (арык Джун); 9 — железный меч (там же); 10 — глиняная фляга — мустанхара (там же); 11 — железный нож (Беш-бай, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); 12 — железный наконечник стрелы (арык Джун)

XXI. 1 и 2 — кружки (Ак-Тепе, близ Ташкента; раскопки 1940—1941 гг.); 3 — верх котла (там же); 4 — котел (там же); 5 — чашечка (там же); 6 — мисочка (там же); 7 — кружка ручной лепки (там же); 8 — кувшин (гор. Пскент, 1940 г.); 9—11 — венчики хумов (Ак-Тепе); 12 — железный топор (там же); 13 — венчик хума (там же); 14 — железный нож (там же); 15 — сосуд ручной лепки (там же); 16 — глиняная пуговица (там же); 17 — железное стреля (с. Ангар, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); 18—20 — фигурные кирпичи (Ак-Тепе); 21—23 — железные наконечники стрел (там же); 24 — костяной наконечник стрелы (там же)

XXII. 1 и 2 — глазированные блюда (Ак-Тепе, близ Ташкента; раскопки 1940—1941 гг.); 3 — роспись коричневая на глазированном сосуде (там же); 4 — чашечка глазированная (там же); 5 — глазированный сосуд (там же); 6 — подражание арабской надписи на глазированном блюде (там же); 7 — глазированный кувшинчик (там же); 8 — серебряный браслет (поселение у с. Урта-Аул, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); 9 — котел (Ак-Тепе); 10 — железный серп (Урта-Аул)

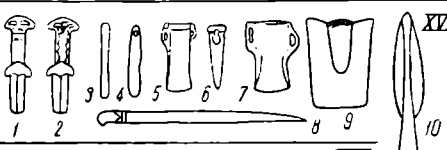
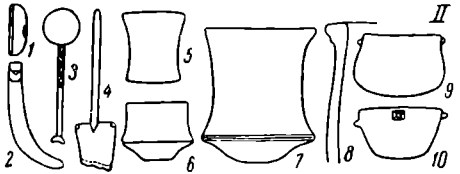
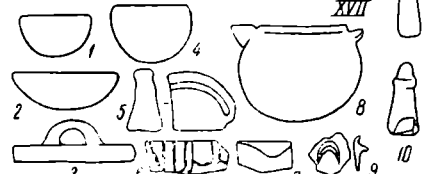
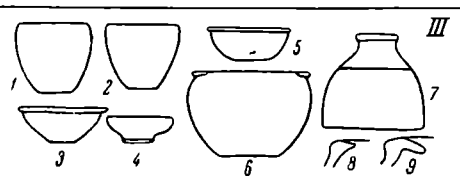
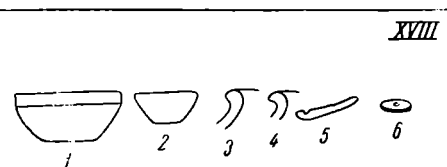
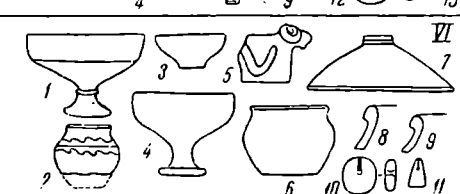
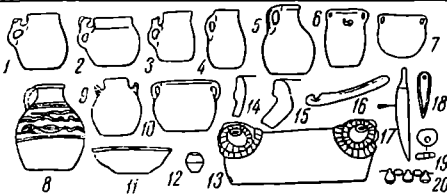
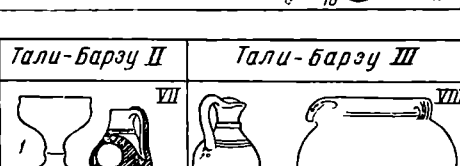
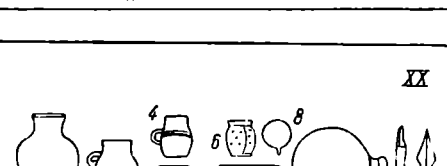
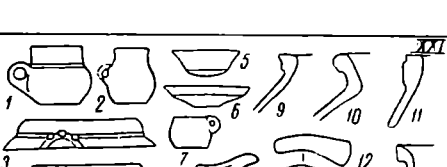
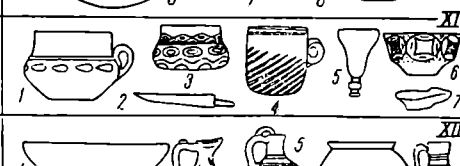
Периоды	Даты	С о г д а		Ч а ч а	
Поздней бронзы	XV-VIII вв. до н.э.				
Сако-ахеменидский	VI-IV вв. до н.э.			Буреулук I	
		Афрасиаб I		Буреулук II	
Сако-эллинистический	III-II вв. до н.э.	Афрасиаб II			
		Афрасиаб III			
Кангюе-кучжийский	II в. до н.э. - I в. н.э.	Афрасиаб IV		Каунчи I	
		Тали-барзэ I		Каунчи II	
Кушанский	I-IV вв. н.э.	Тали-барзэ II		Тали-барзэ III	
Эфталитский	V-VI вв. н.э.	Тали-барзэ IV			
Тюркский	VI - нач. VIII в. н.э.	Тали-барзэ V		Замок Ак-Теле	
Мусульманский	VIII - XII вв. н.э.	Вторая половина VIII в.			
		Первая половина IX в.			
		Конец IX - X в.			
		XI-XII вв.			

Рис. 69. Таблица периодизации археологических материалов Согда и Чача

Афганистане (с их ремесленными цилиндрическими и коническо-цилиндрическими сосудами).¹⁴

В Согде сложилась тогда уже высокая городская культура с развитыми ремеслами и торговлей. Самарканд, как это точно доказано стратиграфически, размещался в то время на всей площади современного городища Афрасиаба, окружность которого достигает 3,5 км (площадь 218,9 га). Обширность размеров городища и его древность подтверждают правильность идентификации Самарканда с Маракандой античных авторов.

Самарканд развивался не постепенным ростом из малого центра («первоначального поселения») концентрическими кругами,¹⁵ а сложился сразу как огромный город, повидимому, в результате закономерной трансформации обширнейшего родового поселения той более древней стадии, которую здесь еще не удалось выявить археологическим путем. С. П. Толстов, открыв в Хорезме «городища с жилыми стенами», правильно понял природу древнего среднеазиатского города и, в частности, города Мараканды.¹⁶ Развитие С. П. Толстовым положение о первоначальных городах Средней Азии, как укрепленных больших общинных поселениях с особой планировкой (типа пуэбло), имеет первостепенное историческое значение. Исследования на Афрасиабе вносят лишь ту поправку, что Мараканда в сако-ахеменидское время уже пережила эту архаическую стадию и представляла, как отмечено выше, сложившийся город с развитыми ремеслами и торговлей.

Сако-эллинистическому периоду (IV—II вв. до н. э.) в Согде соответствуют слои культурных стадий Афрасиаб II и III.

На стадии Афрасиаб II в древнем Самарканде отмечается дальнейший рост техники керамического производства: лучше готовится глина, более тонко формируются сосуды, увеличивается разнообразие форм, распространяется тщательное (до металлического блеска) полосчатое лощение по красному ангобу. Из коническо-цилиндрических сосудов Афрасиаб I вырабатываются сосуды, приобретающие отчетливую форму кубков. Форма эта, развиваясь и варьируя в дальнейшем, имеет важное значение в нашей периодизации. Появляются кувшины; характерны мисочки с своеобразно ломаным профилем края.

Керамическое производство в древнем Самарканде достигает наивысшего уровня на стадии Афрасиаб III. Его характеризуют чистота отмучки глины, тонкость и плотность черепка и изящество форм сосудов. Сосуды небольших размеров покрываются не только красным ангобом хорошего качества, но и красным лаком. Некоторое распространение получают сосуды из серой глины, покрытые плотным черным ангобом. Типичны небольшие коническо-цилиндрические кубки с пояском в виде валика на невысоком поддоне и такие же кубки на небольшой, но достаточно устойчивой ножке. Изготовление котлов осваивается гончарами-ремесленниками, что решительным образом сказывается на их качестве. Впервые отмечаются обожженные кирпичи.

К кангюе-юечжийскому периоду (II—I вв. до н. э.) относятся Афрасиаб IV и Тали-Барзу I.

На стадии Афрасиаб IV в керамике слегка ухудшается качество глины, прекращается употребление серой глины и черного ангоба, исчезает красный лак, упрощаются формы сосудов. Кубки на ножке, утратив поясок, приобретают вид конических кубков на высокой, но неустойчивой ножке;

¹⁴ R. Chirshman. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan. *Revue des arts asiatiques*, XIII. Paris, 1939, стр. 10—22.

¹⁵ В. Л. Вяткин. *Городище Афрасиаб*. Ташкент, 1928, стр. 6.

¹⁶ С. П. Толстов. *Городища с жилыми стенами*. КСИИМК, вып. XVII, стр. 7; его же. *Древний Хорезм*. М., 1948, стр. 77 и след.

коническо-цилиндрические кубки на поддоне получают вид чаш. Судя по находкам конических кубков на неустойчивой ножке в могилах некрополя Туп-Хона, близ Гиссара, в Таджикистане (раскопки М. М. Дьяконова в 1946—1947 гг.), сопровождавшихся обломками Эвкратиды, стадию Афрасиаб IV можно датировать рубежом от II к I в. до н. э.

Смена этих наслоений на городище Афрасиабе слоями стадии Тали-Барзу I прослеживается в ряде случаев стратиграфически. Тем самым, помимо других данных (например, связь с культурой Каунчи II в Чаче) совершенно снимается ошибочная датировка Тали-Барзу I доахеменидским¹⁷ или ахеменидским временем.¹⁸ Предварительно мы считаем возможным датировать стадию Тали-Барзу I рубежом нашей эры, полагая, что она в какой-то степени развивалась и в начале кушанского периода.

Помимо культурных слоев на Афрасиабе и нижнего культурного слоя на городище Тали-Барзу, эта культурная стадия представлена в Согде огромным земледельческим районом с остатками небольших укрепленных усадеб (не менее 100), расположенным к югу от Самарканда (за арыком Даргомом).

На стадии Тали-Барзу I наблюдается дальнейшее понижение качества керамических изделий: сосуды становятся грубее, тяжеловеснее, сильно ухудшается красный ангоб. Для нее в качестве руководящей формы мы, вслед за Г. В. Григорьевым, принимаем кубки в виде вазы на высокой устойчивой ножке, с валиком или без него на шейке.¹⁹ Часто встречаются сосуды с волнистым орнаментом.

В культурных слоях Афрасиаб IV и Тали-Барзу I найдены терракотовые фигурки в виде всадников на конях, верблюдов и других животных (лепленных от руки, часто без обозначения глаз, ноздрей и деталей одеяний), а также штампованные фигурки, в которых Г. В. Григорьев видит изображения Анахиты. ТБ I отмечен находкой замечательного изображения Гопатшаха на фрагменте сосуда. Для Афрасиаб IV характерны довольно крупные, иногда тонко моделированные широколицые головки с удлиненными глазами и расчесанными на две стороны волосами, а также головки в сложном головном уборе и знаком V на щеках и на лбу.²⁰ Г. В. Григорьев нашел в слое Тали-Барзу I на городище Тали-Барзу целую фигурку Анахиты в длинных одеждах и с плодом в руке. В головках типа Афрасиаб IV чувствуется связь со скульптурами Аиртама (близ Термеза),²¹ черты, роднящие их с «гандхарскими»; терракоты же стадии Тали-Барзу I имеют более «архаический» вид, сближаясь в этом отношении с некоторыми статуэтками из Хорезма²² и кушанского Термеза.²³

В качестве важных культурных достижений на стадии Афрасиаб III следует отметить начало применения обожженного кирпича для строительных (?) целей,²⁴ обжиг алебаstra, ткацкий станок с вертикальной основой; для Афрасиаб IV отмечается обжиг извести и появление стеклянных сосудов. На стадии Тали-Барзу I для размолва зерна служат уже

¹⁷ Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, II, стр. 88 и 103.

¹⁸ Е. Г. же. Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 151.

¹⁹ ТОВ, 1934, стр. 93, рис. 3а.

²⁰ С. Тревер. Terracotas from Afrasiab. М.—Л., 1934, табл. 6, рис. 79 и 82.

²¹ М. Е. Массон. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Ташкент, 1933; К. В. Тревер. Греко-бактрийское искусство. М.—Л., 1940, табл. 49.

²² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 196 и след.

²³ М. И. Вязмитина. Керамика Аиртама времени кушанов. Термезская археологическая экспедиция, т. II. Ташкент, 1945, стр. 51, рис. 11.

²⁴ Не исключено, что обожженный кирпич появился на стадии Афрасиаб I, но вопрос этот нужно изучить дополнительно.

большие ручные зернотерки (до 60 см длины), указывающие на прогресс земледелия.

В Чаче, на городище Каунчи (в гор. Янги-Юле) Г. В. Григорьев выделил культурные стадии Каунчи I и Каунчи II, отнеся первую к бронзовому веку, а вторую — к сакам (середина I тысячелетия до н. э.). Однако в подстилающем слое того же городища были обнаружены керамические остатки типа Бургулюк II,²⁵ что позволило нам, наряду с другими данными, датировать эти стадии значительно более поздним временем, а именно: Каунчи I — примерно II—I вв. до н. э., а Каунчи II — рубежом нашей эры.

Каунчи I характеризуется сравнительно высоким качеством керамических изделий, преимущественно в виде больших плоскодонных мисок с желобчатым краем, украшенных брызгами бурого ангоба. Есть поделки из рога благородного оленя (обкладки от лука, плоские наконечники стрел с черешком, ручки ножей), пряслица, глиняные и каменные бусы.²⁶ Стадо домашних животных состояло из овец, коз, крупного рогатого скота, лошадей, двугорбых верблюдов. Предметом охоты служили олени и горные козлы.²⁷ Культурная стадия изучена очень слабо.

Памятниками стадии Каунчи II служат разбросанные в различных местах Ташкентской обл. огромные холмища, так называемые «тепе», с скрытыми в их толщах развалинами монументальных сооружений крепостного типа и различных жилых построек из сырца и глины (пахсы). Об успехах архитектуры свидетельствует умение перекрывать галереи сводами.²⁸ Многочисленные теппе, курганные группы и могильники без внешних признаков говорят о высоком росте численности населения, значительном подъеме производительных сил и об общем росте культуры. Чач в ту пору населяли не обитатели пещер и шалашей, как это представлялось Г. В. Григорьеву,²⁹ а создатели такой цивилизации, которая, может быть, лишь в малой степени уступала Согду или Хорезму.

Погребения как в курганах, так и без них совершались в глубоких (до 4 м) семейных катакомбах, в вытянутом положении, на спине и сопровождались обычно глиняной посудой. Кроме того, в женских захоронениях встречаются ожерелья из стеклянных золоченых бус и разноцветного бисера, а также принадлежности косметики; в мужских захоронениях — маленькие железные ножи.³⁰

На развитие земледелия указывает смена небольших зернотерок (какие отмечались для Бургулюк II) крупными, т. е. одинаковыми с зернотерками стадии Тали-Барзу I в Согде. Состав сельскохозяйственных культур полностью еще не выяснен. Известны пшеница, ячмень, персики, джиджа и лох. Среди домашних животных, кроме указанных для Каунчи I, отмечены свинья и осел.

Железо готовилось сыродутным способом. Из него ковались крупные черешковые трехлопастные наконечники стрел, шилья, небольшие ножи с

²⁵ Г. В. Григорьев. Каунчи-Тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940; (то же). Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940; см. нашу рецензию в Изв. УзФАН, 1940, № 8, стр. 84—87 и С. П. Толстов. К вопросу о датировке культуры Каунчи-Тепе. ВДИ. 1946, № 1, стр. 173.

²⁶ Г. В. Григорьев. Каунчи-Тепе, стр. 33—39.

²⁷ В. И. Громова. Материалы к изучению древнейших домашних животных в Средней Азии, стр. 42.

²⁸ Г. В. Григорьев. Указ. соч., стр. 3.

²⁹ Указ. соч., стр. 17—25.

³⁰ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН, 1940, № 9, стр. 33—34; М. Э. Воронец. Археологические исследования 1937—1939 гг. в УзССР. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 336.

горбатой спинкой, пряжки, перстни. Крупных орудий и предметов вооружения пока не найдено. На вертикальных ткацких станках ткалась разнообразная материя — то тонкая, как бязь, то толстая, как паласная ткань. Кувшины, кринки, миски и хумы лепились от руки или, реже, на гончарном круге из хорошо промешанной глины. Мелкая посуда покрывалась красным ангобом и, реже, залащивалась, хумы обрызгивались жидким раствором красного ангоба (со струйками). Типичными являются кружки с ручками в виде барана, изредка — лисы или волка. На кувшинах часто заметен волнистый прочерченный узор. Кухонные плоскодонные горшки и круглодонные котлы лепились из грубо промешанной глины. Интересны, несомненно, культовые глиняные фигуры с двумя головами баранов (в Согде такие же известны для Тали-Барзу I) и в виде головы быка с ямкой на носу, в которой зажигалось масло.³¹

В Чаче времени развитой земледельческой культуры Каунчи II следует, повидимому, видеть основное ядро варварского государства Кангюя, политический центр которого мы, следуя В. В. Бартольду,³² помещаем в области среднего течения Сыр-Дарьи.

Время Кушан в Чаче отмечено сменой культуры Каунчи II джунской культурой (по арыку Джун, у гор. Янги-Юль), а в Согде — сменой двух культурных стадий, изученных на городище Тали-Барзу — ТБ II и ТБ III, которым соответствует большой период упадка жизни в Самарканде.

Джунская культура известна только по курганным могильникам.³³ Захоронения совершались в катакомбах одиночно и, реже, парно.³⁴ Особенно важно, что на джунской стадии устанавливается обычай класть в могилы большое количество предметов вооружения — меч, кинжал, стрелы, лук; встречаются кинжалы и в женских могилах.

Т. Г. Оболдуевой выяснено обилие элементов, связывающих джунские курганы с сарматскими погребениями в Нижнем Поволжье, и установлено, что джунская стадия восходит ко II—IV вв. н. э. В могильном инвентаре джунской стадии обильно представлена глиняная посуда простой гончарной работы на круге: полнотелые широкогорлые кувшины, вьючные флаги — мустахара (появляющиеся в Чаче с Каунчи II, а в Согде с Афрасиаб IV), кружки с ручками без изображений, чашечки, маленькие курильницы с отверстиями в стенках. Прочий инвентарь представлен длинными (до 0.9 м) обоюдоострыми мечами с коротким насадом для ручки, короткими обоюдоострыми кинжалами, бронзовыми зеркалами (диаметр 9 см), с короткой боковой ручкой, китайскими зеркалами, костяным гребнем с конскими головками, золотыми серьгами, украшенными зернью, бронзовыми и железными перстнями, железными пряжками, бронзовыми бубенчиками, разными бусами, арбалетовидной фибулой.

Одновременно со сменой погребального ритуала большими изменениями в составе инвентаря и его типах должна быть отмечена, что весьма существенно, и смена антропологического типа: длинноголовые каунчинцы («саки», по Г. В. Григорьеву), европеоиды средиземноморской расы, связанные со скифами и предками туркмен, сменяются короткоголовыми европеоидами со слабой примесью монголоидности («гунны», по Г. В. Григорьеву), так называемого памиро-альпийского типа, близкого к усуням

³¹ Г. В. Григорьев. Каунчи-Тепе, стр. 9—13, 19, 23; Изв. УзФАН, 1940, № 9, стр. 33—34.

³² В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 5.

³³ Т. Г. Оболдуева. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 102.

³⁴ М. Э. Воронец. Указ. соч., стр. 336—337 (неправильно указано, что захоронения преимущественно парные).

Семиречья, древнему населению Восточного Туркестана и сарматам Нижнего Поволжья.³⁵

Джунские могильники позволяют поставить вопрос о возможном в эту эпоху продвижении с востока этнических групп, которое могло быть вызвано распадом гуннского племенного союза в Центральной Азии;³⁶ не этим ли движением вызван упадок гор. Самарканда, в каком он находился, примерно, с I или со II по IV в. н. э.?

Стадия Тали-Барзу II в Согде нам еще очень мало известна. Для нее характерны кубки, близкие к вазообразным кубкам предыдущей стадии, узкие кувшины и прочие сосуды, украшенные красной ленточной росписью.³⁷

Тали-Барзу III Г. В. Григорьев отнес по ряду признаков к эллинистическому периоду (III—II вв. до н. э.). Здесь происходит новый подъем керамического производства, но эллинизм его весьма относителен. В слое этой стадии на городище Тали-Барзу были найдены трехгубые кувшины типа энохой, конические широкодонные кубки-чаши, разные сосуды с налепными головками под ручками.³⁸ Присутствие «эллинистических» черт, искусствоведчески еще не рассмотренных, нельзя расценивать как указания на слишком раннюю дату. Опираясь на достаточно твердые даты Афрасиаб IV и Тали-Барзу I, мы считаем возможным отнести Тали-Барзу II и III, примерно, к I—IV вв. н. э. Об успехах искусства в кушанской Средней Азии свидетельствуют со всей очевидностью открытые М. Е. Массоном скульптуры и архитектурные фрагменты в Аиртаме и Термезе и открытия С. П. Толстова в Топрак-Кале в Хорезме. Это было время подъема культуры и искусства у народов древней Средней Азии.³⁹

Однако Самарканд при кушанах находился в упадке. Письменные источники этого времени о нем молчат, даже наименование его в них не упоминается. Об этом же упадке, но в более широких хронологических рамках, пишет и В. В. Бартольд, указывая, что в середине V в., когда о Самарканде впервые сообщают китайские хроники, первенство на Зеравшане принадлежало еще не Самарканду, а княжеству Маймургу с городом Ривдадом (городище Тали-Барзу, по Г. В. Григорьеву), в котором и в мусульманскую пору находились замки «согдийских ихшидов».⁴⁰ Политический центр и культурная жизнь в Согде до восстановления Самарканда сосредоточивалась в гор. Кушании в местности около нынешнего Катта-Кургана.⁴¹

Недостаток материалов не позволяет нам осветить характер материальной культуры времени эфталитов. Возможно, что в Согде к этому времени восходит Тали-Барзу IV, но все же мы на основании материалов древнего Пянджикента и Афрасиаба больше склонны относить эту стадию к началу тюркского периода.

³⁵ В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии гуннов и саков. СЭ, 1946, № 4, стр. 207—210.

³⁶ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 10—17.

³⁷ Г. В. Григорьев. Тали-Барзу. ТОВЭ, II, стр. 93, рис. 3—6, е, ж.

³⁸ Там же, стр. 92—93, табл. III, рис. 1 и 2; стр. 101, рис. 6—6, в.

³⁹ С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1938, № 1, стр. 186; М. Е. Массон. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции 1937 и 1938 гг. Термез. археол. экспедиция, II, 1945, стр. 4—6; его же. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков нашей эры.

⁴⁰ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 17; Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 3, стр. 165.

⁴¹ В. В. Бартольд. Там же, стр. 19; его же. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 104.

Керамика Тали-Барзу IV не выделяется ни качеством работы, ни красочностью отделки. Руководящими для нее служат чашевидные кубки с вогнутым краем на поддоне, вылепленные от руки конные всадники с огромным носом и глазами, большими усами и клинообразной бородой, «буддийские образки». ⁴² В том же слое на Тали-Барзу был найден обломок хума с процарапанной согдийской надписью, которая, несмотря на то что относится к значительно более позднему времени, чем предполагал Г. В. Григорьев, остается древнейшим местным образчиком этой письменности.

Как ни грубо, как ни упрощенно выполнены фигурки всадников Тали-Барзу IV, они все же определяют своеобразие стиля терракотовых художественных изделий Согда V—VI вв. Устойчивость этого стиля доказывается тем, что он не утрачивается и на следующей культурной стадии. В нем, например, выполнена известная крышка оссуария с мужской головой из Самарканда, ⁴³ крышка оссуария со столь же великопленной женской головой в Самаркандском музее, а также замечательные сосуды с лепными изображениями мужской и женской голов из гончарной печи конца VII в. на городище Кафир-Кала. ⁴⁴ Со времени Тали-Барзу IV в Согде констатируется широкое распространение зороастрийского обряда захоронения в оссуариях (большая древность их еще не установлена). В культурных наслоениях этой стадии на Афрасиабе найдены наиболее ранние ручные жернова, сделанные из гранита с рубчатой поверхностью для лучшего размола зерна.

Тали-Барзу V датирована Г. В. Григорьевым VI—VII вв. В настоящее время она может быть более определенно отнесена к VII — началу VIII в., что установлено на основании находки больших и ценных комплексов вещественных остатков на Афрасиабе и на Пянджикентском городище, сопровождавшихся медными монетами местной чеканки по китайскому образцу, которые введены в Согде не ранее первой половины VII в. ⁴⁵

Возрождение Самарканда началось при эфталитах, а в эпоху тюрков он вновь переживает расцвет. VII век — время блестящего подъема ремесел, земледелия, торговли и культуры в Согде. О богатстве согдийской культуры дают представление не только китайские сведения, но гораздо больше раскопки последних лет. Согдийская предприимчивость, стесненная враждебной политикой Сасанидского Ирана, не находит открытого и выгодного пути на Запад, но с успехом устремляется на Восток; не только торговля, но и мощная согдийская колонизационная струя через Чач и Тараз (центр согдийской культуры VI—VII вв. в Семиречье, как его определяет А. Н. Бернштам) глубоко проникает в Центральную Азию. ⁴⁶

Немалые успехи делает искусство, обильные материалы по которому дали раскопки керамических мастерских в Кафир-Кала. ⁴⁷ Широко распространяется согдийская письменность, памятники которой после находки архива согдийского царя Диваштича прибывают в виде постоянных новых находок обломков сосудов с надписями. ⁴⁸

Из глины (пахсы), сырцовых кирпичей и обожженных кирпичей сооружаются здания с арками, сводами, куполами, террасами и колоннадами.

⁴² ТОВЭ, II, стр. 95; табл. III, рис. 3; табл. IV, стр. 101, рис. 6—д.

⁴³ Записки Вост. отд. РАО, XVIII, вып. 1, табл. VI, рис. 2.

⁴⁴ Г. В. Григорьев. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 101—102, рис. 49; стр. 99, рис. 47—1.

⁴⁵ О. И. Смирнова. Новые данные по истории Согда VIII в. ВДИ, 1939, № 4, стр. 98; е е ж е. О трех согдийских монетах. ВДИ, 1939, № 1, стр. 116.

⁴⁶ А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, вып. VI, 1940.

⁴⁷ Г. В. Григорьев. Указ. соч., стр. 92 и след.

⁴⁸ Согдийский сборник, М.—Л., 1934.

В керамическом производстве отмечается подражание металлическим сосудам, которое достигается воспроизведением форм, обсыпанием слюдой, придающей серебристый блеск, и украшением сосудов рельефными оттисками растительных узоров, изображениями животных и человеческих голов. Особенно яркие и постоянны кружки с кольцевидной ручкой, узкогорлые кувшины с длинным носиком и низкие тарелки с округленным дном, причем они покрывались яркокрасным пачкающим ангобом.⁴⁹ Среди терракот преобладают оттиснутые в формах изображения всадников с гривной на шее, поясом, булавой и кинжалом, а также силенов. К этому же времени относятся грубо лепленные от руки фигурки иногда как бы устрашающего вида. Принадлежность к этой же стадии известных самаркандских фигурок с грубым телом и изящной штампованной головкой, которые Н. И. Веселовский считал изображениями Александра Македонского, почти несомненна.⁵⁰

Зороастризм начинает приобретать значение господствующей религии. Около городов и селений появляются большие некрополи из сырца, состоящие из надземных склепов-гробниц (наусов), в которых ставилось по несколько погребальных оссуариев. Среди оссуариев первое место по художественному и историко-культурному значению бесспорно занимают бия-найманские и самаркандские.⁵¹

Тюркский период в Чаче представлен замком Ак-Тепе, близ Ташкента, с остатками монументальных сооружений двух строительных периодов, позволяющих осветить общую организацию архитектурных масс, планировку, строительные приемы, устройство плоских перекрытий, тип колонны, строительство куполов, сводов и богатейшей по разнообразию системы арок.⁵²

Не исключено, что замок Ак-Тепе возник еще при эфталитах, о чем позволяют предполагать находки драхм Издигерда II (439—457) и Фируза (457—484).⁵³ Основные толщи культурных наслоений на Ак-Тепе датируются VII — началом VIII в. и сопровождаются новооткрытыми медными монетами местной, чачской, чеканки с согдийскими надписями, изображениями правителей и тамгами. Ввиду отсутствия материалов по эфталитскому периоду, мы лишены возможности проследить процесс формирования материальной культуры Ак-Тепе в Чаче и получаем представление о ней, так сказать, в готовом виде. В общем, на этом этапе она развивается под прямым воздействием Согда и приобретает облик согдийской культуры.

В такой же зависимости от Самарканда развивался и верхнезеравшанский центр сложения согдийской культуры, выдающимся памятником которой является городище древнего Пянджикента с его кухендизом, замечательным по сохранности планировки шахристаном, рабадом и некрополем с зороастрийскими наусами.⁵⁴

⁴⁹ К этому же времени принадлежат серебряные тарелки и кувшины из с. Покровского в северной Киргизии; см. К. В. Тревер. Греко-бактрийское искусство, стр. 110.

⁵⁰ Н. И. Веселовский. Греческие изображения на туркестанских оссуариях. ИАК, вып. 63, стр. 66—67, рис. 10.

⁵¹ А. Я. Борисов. К истолкованию изображения на бия-найманских оссуариях. ТОВЭ, II, стр. 25 и след.; В. Л. Воронина. К вопросу об изучении доарабского зодчества Средней Азии. Сообщения Института истории и теории архитектуры, 1947, вып. 8, стр. 35; А. А. Потапов. Рельефы древней Согдианы как исторический источник. ВДИ, 1938, № 2, стр. 133.

⁵² А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Материалы по археологии Узбекистана, т. I. Ташкент, 1948; В. Л. Воронина. Архитектура замка Ак-Тепе близ Ташкента, по данным работ 1940 г. В том же сборнике.

⁵³ Определение О. И. Смирновой.

⁵⁴ А. Ю. Якубовский. Согдийская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI, стр. 34—35.

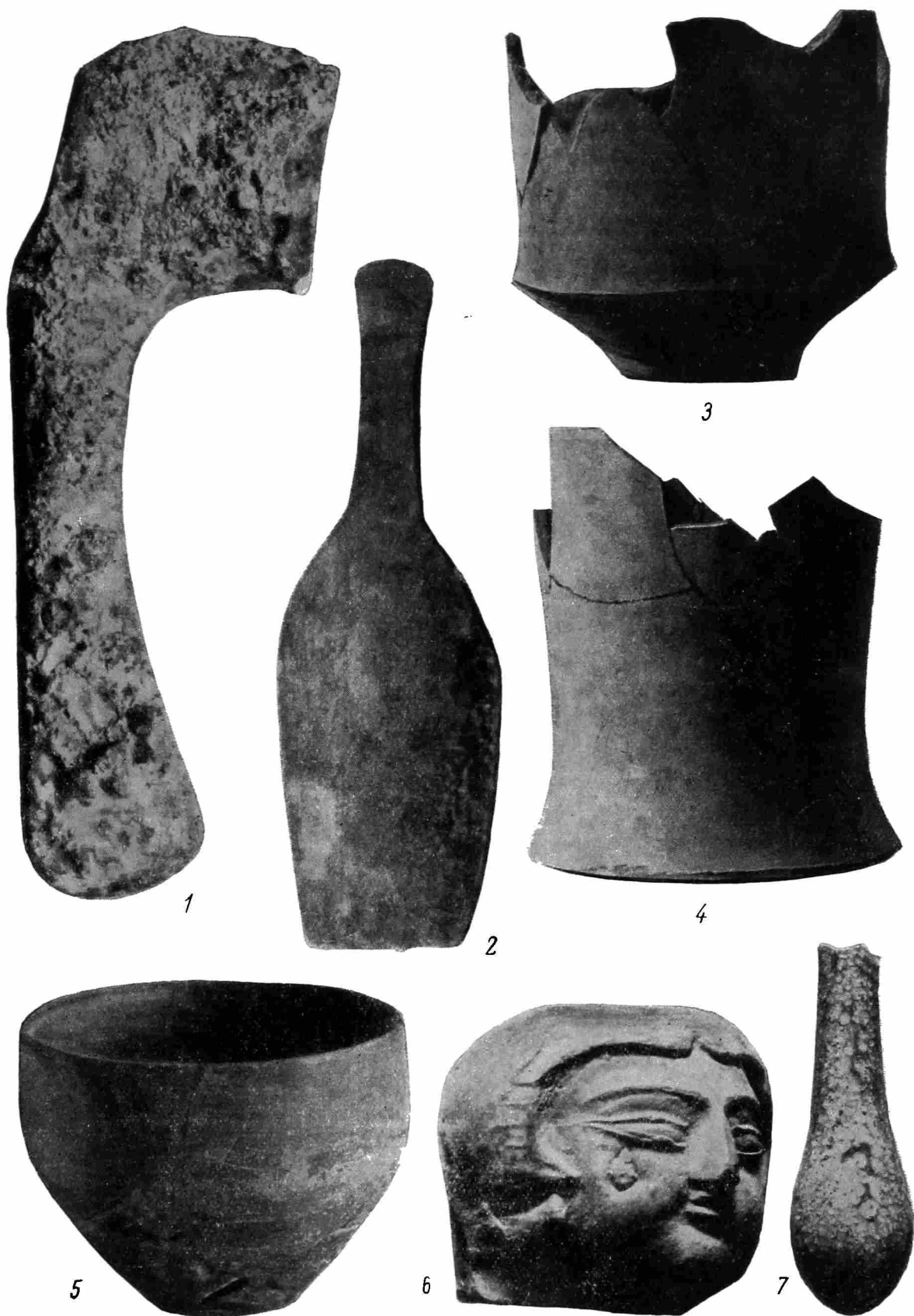

Рис. 70. Керамические и бронзовые изделия из Чача и Согда

1 — бронзовый вислообушный топор (Чимбайлыкский клад в верховьях р. Чирчик; нат. вел.); 2 — бронзовый нож (тот же клад; нат. вел.); 3 и 4 — глиняные сосуды, А I (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 35; $\frac{1}{2}$ нат. вел.); 5 — глиняный сосуд, А II (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 46; $\frac{1}{2}$ нат. вел.); 6 — головка терракотовой статуэтки, А IV (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 2; увел. $1\frac{1}{2}$ раза); 7 — стеклянный сосудик, А IV (там же; нат. вел.)

- 1— часть терракотовой фигурки верблюда, ТБ I (Афр., раск. 1945 г. в пункте №9; нат. вел.); 2 —чашевидный глиняный кубок, ТБ IV (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 2; $\frac{1}{2}$ нат. вел.); 3— фрагментированная фигурка с пламенем на плечах, ТБ V (там же; нат. вел.); 4 — верхняя часть терракотовой статуэтки, ТБ V (там же; увел. $1\frac{1}{2}$ раза); 5 — глиняная кружка с отгисками гранатов, ТБ V (Афр., раск. 1947 г.; $\frac{1}{2}$ нат. вел.); 6—фрагментированная терракотовая погребушка, ТБ V (там же; нат. вел.); 7—глиняная тарелочка, ТБ V (там же; $\frac{1}{2}$ нат. вел.); 8 —терракотовая плита с изображением колонны, ТБ V (Афр., Самаркандский музей; $\frac{1}{4}$ нат. вел.); 9 — терракотовый фигурный кирпич VI—VII вв. (замок Ак-Тепе, близ Ташкента; раск. 1941 г.; $\frac{1}{2}$ нат. вел.)

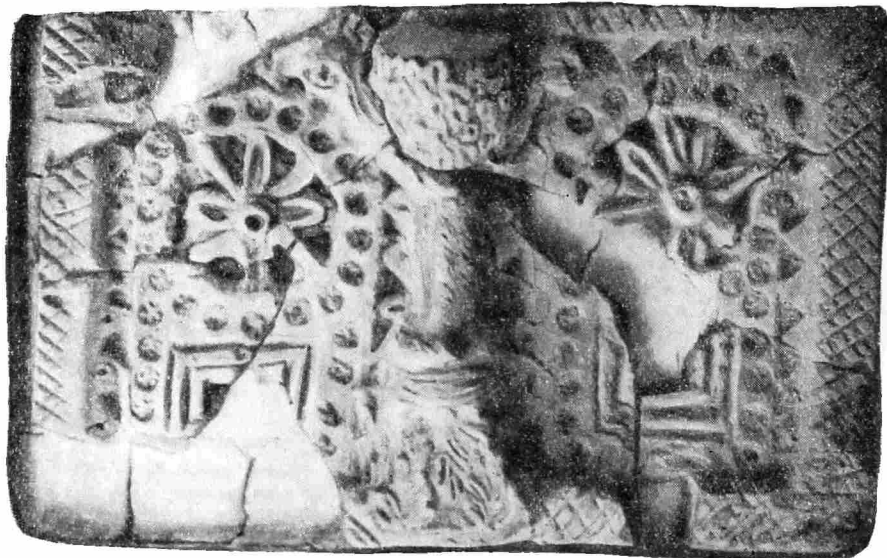

Рис. 71. Керамические изделия из Чача и Согда

Ак-Тепе и Пянджикент отличаются от Самарканда редкостью находок терракотовых изображений, меньшим художественным достоинством их и упрощенностью керамических форм. Местные типологические особенности сосудов сказываются преимущественно в деталях и в некоторых частностях технических приемов лепки. Они не украшались обсыпкой слюдой и оттисками штампов, отсутствует красный ангоб, который характеризуют гончарство Кафир-Калы, Афрасиаба и Тали-Барзу V. Оссуарии Чача, в отличие от четырехугольных самаркандских, имеют овальную форму. Большой могильник с оссуариями в небольших подземных камерах-катакомбах был исследован Я. Г. Гулямовым и Т. М. Миргиазовым близ селения Той-Тюбе. Кухонные котлы в Самарканде и Чаче круглодонные, а в Пянджикенте — плоскодонные. Совокупность признаков позволяет выделить и Чач, и Верхний Зеравшан (Пянджикент) в качестве отдельных областей развития согдийской культуры. Нужно думать, что при дальнейших исследованиях по Зеравшану выделятся и другие локальные районы согдийской культуры. Так, бия-найманские оссуарии столь разнятся от самаркандских, что район древней Кушании составит, повидимому, четвертую такую зону, культура которой будет отличаться высокими художественными традициями.

К арабскому завоеванию Самарканд представлял типичный для Средней Азии средневековый город, с шахристаном и ремесленным рабадом. В этом виде он сформировался не в процессе постепенного перерождения античного рабовладельческого города, а на месте его руин: возрождаясь, он складывался как город иной социально-экономической структуры, обязанный отношениям развивающегося феодализма.

Чач вошел в мусульманский период как область с необыкновенно большим количеством городов. Возникновение их обусловлено, может быть, недостаточной безопасностью жизни, небольшими и слабо укрепленными поселками на краю кочевой степи, начинавшейся так близко за р. Келе-сом, а также, возможно, возросшим спросом на продукцию городского ремесла со стороны тех же кочевников. Особая роль Чача, как и Хорезма с его многочисленными городами, в торговле с кочевыми народами не раз отмечалась исследователями Средней Азии (Бартольд, Якубовский).

Арабское завоевание не могло вызвать значительных изменений ни в сельском хозяйстве, ни в ремеслах. Тем сильнее сказалось оно на областях культуры, связанных с идеологией, и прежде всего на искусстве; арабы были нетерпимы ко всему, что свидетельствовало о национальной культуре и независимости, которую они беспощадно подавляли.

Недостаток добытых материалов для этой эпохи по Чачу восполняется Афрасиабом. Мусульманизация Чача протекала медленнее, чем Согда, так что Самарканд и в этом отношении будет более показательным. В течение мусульманского периода в Самарканде исчезает изобразительное искусство и развивается орнаментализм; на смену терракотам и рельефу в керамике приходит полихромная роспись с глазурью.

Грань между «старым» и «новым» в истории материальной культуры Самарканда лежит где-то близко к середине VIII в. С этого времени до конца жизни Самарканда на Афрасиабе (1220 г.) устанавливаются четыре этапа, различающихся легче всего по смене стилей глазированной посуды. Наибольшим спросом пользовались глазированные миски, чашечки (типа пиалы), блюда и светильники, реже — глазированные кувшины. Первые опыты глазирования посуды были очень робкими. Не менее ста лет потребовалось, чтобы самаркандские мастера подобрали устойчивые и не расплывающиеся красители, овладели техникой росписей, изяществом геометрического, растительного и буквенного узора и соответствующих композиций его, чтобы они добились крепкого соединения глазури с черепком. Глазированная посуда появилась в Самарканде не в готовом и в

1

2

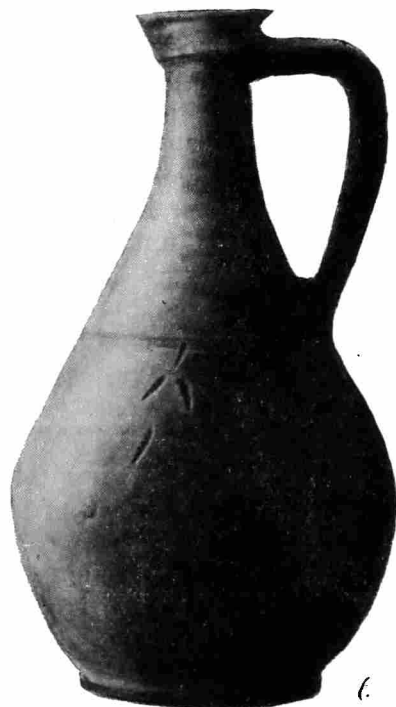
3

4

5

6

Рис. 72. Находки из раскопок в Согде

1 — стеклянный медальон, предполож. ТБ V (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 2; увел. в 2 раза); 2—бронзовый несторианский крест, предполож. ТБ V (Афр., случайная находка 1946 г.; увел. $1\frac{1}{2}$ раза); 3—гипсовая стойка с тремя стеклянными баночками X в. (Афр., раск. 1946 г. в пункте №30; $\frac{2}{3}$ нат. вел.); 4 — стеклянная рюмка второй половины VIII в. (Афр., раск. 1947 г. в пункте №2; $\frac{2}{3}$ нат. вел.); 5—глазурованный сосуд с носиком, расписанный коричневой, зеленой и желтой краской, X в. (Афр., раск. 1947 г. в пункте №51; $\frac{1}{3}$ нат. вел.); 6—глиняный кувшин, первая пол. IX в. (Афр., раск. 1946 г. в пункте №30; $\frac{1}{3}$ нат. вел.)

совершенном виде, как предполагал В. Л. Вяткин.⁵⁵ Древнейшие образчики ее отличаются простотой, а иногда и вялостью росписей, недостаточной яркостью красок и низким качеством глазури. Самаркандские ремесленники познакомились с глазированием едва ли ранее середины VIII в. и ко второй половине IX в. достигли в нем такого высокого мастерства, которое хорошо знакомо по саманидским блюдам.

Среди неглазированной посуды довольно длительное время сохраняются формы, установившиеся к концу тюркского периода. Кувшины старого типа доживают до начала IX в., сменяясь кувшинами яйцевидной формы с высоким цилиндрическим или воронкообразным горлом. На грани от тюркского к мусульманскому периоду распространяются кружки с высоким цилиндрическим горлом и низким овальным корпусом, украшенным (но не всегда) одним рядом овальных срезов по плечу. Кружки эти исчезают, примерно, к началу IX в. Вместе с тем глиняные кружки в Самарканде вытесняются стеклянными, первоначально очень похожими на глиняные.

На стадии Афрасиаб III, как отмечено выше, котлы начинают делать гончары; несмотря на то, что эти котлы лепятся от руки, они представляют собой продукцию ремесленного производства. Имея шаровидную форму и круглое дно, они были приспособлены для приготовления пищи в открытом очаге. Глубокая древность такой формы котлов у многих оседлых народов Средней Азии служит положительным указанием на то, что в ней нельзя видеть признаков влияния кочевого быта, как это склонны утверждать некоторые исследователи. Переход к станковому производству круглодонных котлов задерживался тем, что обычный гончарный круг рассчитан на изготовление плоскодонной посуды. В конце тюркского периода (стадия ТБ V) котлы подправляются на гончарном круге — они становятся тонкостеннее и более совершенными по форме, причем простой гладкий край заменяется сложнопрофилированным.

На рубеже VIII и IX вв. в Самарканде было изобретено приспособление, позволившее делать на гончарном круге и круглодонные котлы. Для этого обожженную глиняную форму, имеющую вид неглубокой чаши, стали ставить дополнительно на круг (с помощью комка сырой глины). Такие целые формы были найдены нами на Афрасиабе в гончарных печах XI в.⁵⁶ Котлы, изготавливавшиеся на круге, обычно чрезвычайно тонкостенны и полусферической формы; форму эту они сохранили вплоть до вытеснения чугунами котлами. Дальнейшим шагом по усовершенствованию котлов явилось покрытие их внутри плотной и весьма стойкой голубой глазурью, отмечаемое впервые в XI—XII вв.

В мусульманский период широко распространяются светильники, имевшие в середине VIII в. вид плошечки с вогнутым краем (без ручки) и коротким носиком для фитиля; в X в. они получают вид изящной глазированной поделки, которая могла служить украшением любого дома.

Древность стекла в Самарканде отмечена находками, восходящими к Афрасиабу IV. Однако вплоть до мусульманского периода находки стеклянных изделий сравнительно немногочисленны. Огромный сдвиг в стекольном производстве произошел во второй половине VIII в., когда изделия из стекла стали почти столь же обычными для самаркандцев, как и глиняная посуда. В это время наибольшим распространением пользовались сосуды, дутые в формах с рельефным узором — широкие, низкие кружки, стаканы, рюмки на высокой ножке, различные бутылочки и флакончики. В X в. господствует тонкая, дутая без форм посуда: бутылочки, графины, вазы, тарелочки, высокие рюмочки, стаканчики.

⁵⁵ В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб, стр. 11.

⁵⁶ Эта находка подтвердила правильность предположения о способе изготовления котлов в Хорезме в X—XI вв.; см. Изв. УзФАН, 1940, № 6, стр. 63—64.

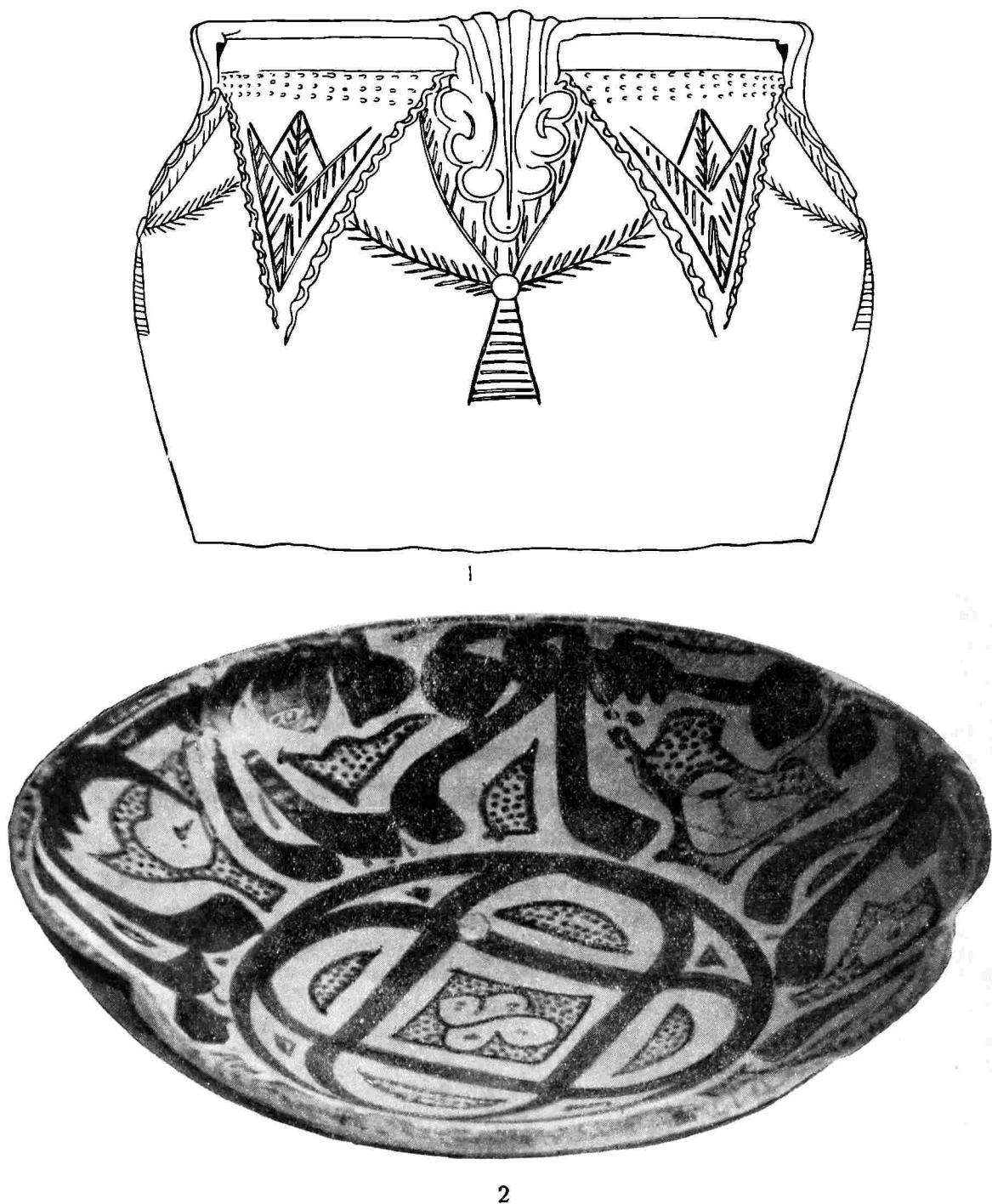

Рис. 73. Керамика из Афрасиаба

1 — верхняя часть корчаги с лепными и резными узорами, ТБ V (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 2, $\frac{1}{4}$ нат. вел.); 2 — глазированное блюдо с арабской надписью, вторая пол. IX — нач. X в. (Афр., случайная находка 1946 г.; $\frac{1}{2}$ нат. вел.)

В VIII в. отмечаются крупные успехи в мукомольном деле, о чем говорит появление на арыке Сиабе, протекающем у северного края городища Афрасиаба, уже настоящих водяных мельниц с гранитными жерновами до 1 м в диаметре. Наши знания истории материальной культуры Согда и Чача стоят на стадии первичного сбора материалов. Некоторые этапы едва намечены. Особенно велики пробелы в археологии Чача. От раскопок на Афрасиабе можно ждать много ценного для изучения древней согдийской культуры, в частности по развитию различных производств и ремесел.

Нужно возобновить раскопки на городище Тали-Барзу, оборвавшиеся в связи со смертью Г. В. Григорьева.

Особо важное значение будут иметь работы по изучению обширнейшего земледельческого района с остатками многочисленных построек, расположенного к югу от Самарканда, между арыком Даргомом и горами. На рубеже нашей эры (время Тали-Барзу I) он был густо заселен и погиб, вероятно, в связи с теми же событиями, которые повлекли за собой длительный упадок жизни Самарканда на Афрасиабе в эпоху кушан. Исследования еще совсем не коснулись больших курганных групп, расположенных к западу от Катта-Кургана. В Чаче на очереди должны быть поставлены раскопки поселений бургулюкского типа, ранние тепе и огромные курганы, так называемые «минг-тепе» («тысяча бугров»).

Развитие согдийской культуры отличается самостоятельностью и многими чертами, говорящими о своеобразном, высоком творческом процессе. Такими же особенностями проникнуто и культурное развитие Чача.

К сожалению, мы ничего не можем сказать относительно культуры Согда на ступени родового общества. В течение рабовладельческого периода (примерно с середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э.) в Согде большие успехи делают ремесло и торговля, концентрирующиеся в Самарканде. Для Согда наиболее замечательна необыкновенно частая смена культурных форм и культурных стадий. На всех этапах чувствуется мощная пульсация жизни; здесь нет периодов застоя, только движение, непрерывный прогресс, нарушаемый, повидимому, лишь временами вражеских вторжений. На каждом историческом этапе видны признаки исканий нового, энергичная деятельность талантливых мастеров и людей искусства. Ни Иран, ни Греция, ни Индия не сказались в культуре Согда так, чтобы в тот или иной исторический момент определить ее лицо. Г. В. Григорьев, выделяя «сасанидскую» стадию (Тали-Барзу V), сделал это без надлежащего учета местных могучих культурных факторов, не оценив того, что именно тогда в Согде процветала та культура и цивилизация, которой более всего отвечает понятие «согдийская», когда Согд сам распространял свое влияние на отдаленнейшие страны, особенно на Восток. Согд и Чач не были отгорожены от остального мира непроницаемой стеной, но их культурное развитие определяется не проникновением отдельных элементов культуры из соседних стран; основа их местная, так как они сами представляли важнейшие центры формирования среднеазиатской культуры. В материальной культуре Согда и Чача трудно на начальных ступенях уловить черты общности, временами кажется, что они идут по совершенно различным путям (Каунчи II и Тали-Барзу I), но при всем том для них рано определилась тенденция сближения, сильнее всего впервые сказавшегося в VI—VII вв. н. э. Процесса сближения не прерывает и арабское завоевание. Согд, Чач, Бухара и Хорезм, оправившись после арабского завоевания, снова при Тахиридах и Саманидах становятся главными центрами социально-экономического развития общества, идущего по пути создания общей культуры и национального единства, которые после победы Великой Октябрьской социалистической революции нашли свое выражение в образовании Узбекской республики в ряду других братских республик народов Средней Азии.

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

4 (22)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • 1947 • ЛЕНИНГРАД

Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда

В 1946 г. Самаркандской археологической базой были продолжены разведочные работы на городище Афрасиаб (домонгольский Самарканд), начатые осенью 1945 г. Институтом истории и археологии АН УзССР¹.

В свете работ покойного археолога В. Л. Вяткина, обобщенных им в известном очерке «Афрасиаб—городище бывшего Самарканда» (Самарканд, 1928), этот памятник мог представляться ценным лишь для средневековья. Только отдельные предметы быта и находимые в нем изящные терракоты² свидетельствовали о важности его и для изучения более ранних эпох.

Разведкой 1945 г. было установлено: Афрасиаб имеет сложную стратиграфию культурных наслоений, в среднем 4—6 м толщиной; древнейшие культурные наслоения соответствуют культурам Тали-Барзу I и II, но датируются не доахеменидским и ахеменидским временем, куда их относил Г. В. Григорьев³, а первыми веками до нашей эры (раннекушанским периодом); мощные и распространенные на всей площади Афрасиаба культурные слои раннекушанского времени свидетельствуют о том, что Самарканд уже в ту пору представлял собой крупный городской центр. Важными вехами в истории древнего города являются остатки фортификационных сооружений, состоящие из цитадели и четырех линий стен; все крепостные сооружения, кроме третьей стены, возникли до начала нашего летоисчисления, а третья стена была сооружена после арабского завоевания; Самарканд в течение продолжительного отрезка времени после арабского завоевания включал в пределах городища Афрасиаба следующие части: кухендиз (цитадель), шахристан (внутренний город) и рабад (ремесленное предместье); кухендиз состоял из кешка и укрепленного двора; шахристан включал в себя первое укрепление, утратившее фортификационное значение ко времени арабского завоевания, и второе укрепление, а позднее вырос за счет части площади рабада в центре городища, охваченном третьей стеной; рабад первоначально обнимал всю территорию между второй и четвертой (внешней) стеной Афрасиаба; археологические данные подтвердили правильность исторического вывода В. В. Бартольда и А. Ю. Якубовского о том, что жизнь в Самарканде постепенно переходила с севера на юг и что монгольское завоевание 1220 г. лишь завершило начавшееся раньше запустение его на Афрасиабе⁴.

Материалы разведок 1945—46 гг. дают уже возможность приступить к разработке историко-археологической периодизации культуры Самарканда на Афрасиабе. Работа эта облегчается вышедшими в свет предварительными обзорами исследований Г. В. Григорьева, в которых дается классификация культурных периодов городища Тали-Барзу. Нельзя согласиться со многими хронологическими определениями Г. В. Григорьева, но установленная им последовательность смен культурных стадий для Тали-Барзу вполне удовлетворяет современным научным требованиям, и ее можно принять в качестве первого серьезного опыта историко-археологической периодизации. Тогда в целом.

Ахеменидский период. Золотой дарик коллекции Б. Н. Кастальского, купленный в Самарканде, мог бы являться первым предметом материальной культуры ахеменидского времени, связанным с Афрасиабом, если бы мы располагали точными данными о том, что он происходит именно отсюда⁵. Сомнения в том, что Афрасиаб может хранить в своих недрах вещественные свидетельства столь отдаленной исторической поры, ныне рассеялись. В 1946 г. у пастуха Хусейнова Шарипа была приобретена серия предметов, собранных им на этом городище, среди которых оказалась небольшая подвесная печать

¹ История изучения Афрасиаба подробно представлена в работе А. Ю. Якубовского, Из истории археологического изучения Самарканда, «Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа», II, 1940, стр. 285 сл.

² С. Тревер, Terracottas from Afrasiab, 1934, стр. 93.

³ Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, II, 1940, стр. 87—92.

⁴ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 304.

⁵ М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930—1931 гг., Ташкент, 1933 г., стр. 6.

из коричневатого кремнистого камня с резным изображением увенчанного короной ахеменидского царя в рост с колчаном за спиной и луком в руках, ниже которого дана вертикальная строчка подражания клинописи (рис. 1).

Культурных же наслоений ахеменидской поры на Афрасиабе еще не обнаружено, как не встречено их пока и на всей территории Согда.

Г. В. Григорьев, как это отмечено выше, относит к доахеменидскому и раннеахеменидскому времени слои I и II городища Тали-Барзу, расположенного в 6 км к югу от Самарканда. Однако, если и ранее датировки Тали-Барзу вызывали сомнения¹, то после новых работ на Афрасиабе от них нужно отказаться самым решительным образом, так как они противоречат объективным археологическим данным².

Рис. 1. Печать с изображением царя. Ахеменидский период. Увеличение $3\frac{1}{4}$ раза

Греко-бактрийский период. В начале 1947 г. в 30 м к востоку от мавзолея Ширинбек-ака ансамбля Шах-и-Зинда на линии вала 4-го (внешнего) укрепления Афрасиаба, на глубине 4—5 м ниже поверхности, был вскрыт зольник, рядом с которым обнажены остатки глинобитных построек. Он дал обильные керамические находки, две бусины (бирюзовую пронизь и белую пастовую бусину), полированный каменный пестик и кости коров, лошадей, овец и свиней.

Сосуды изготовлены на гончарном круге, имеют в изломе красный крепкий черепок и покрыты снаружи желтовато-белым лёссовым раствором. Эти сосуды, кроме пифосов (хумов) и мисочек, трудно распределить по назначению. Одни из них имеют нижнюю часть в виде усеченного конуса и простой цилиндрический корпус; у других нижняя часть сделана в виде мисочки с отогнутыми краями, переходящей посредством острого ребра к почти цилиндрическому корпусу; третьи — с плоским дном, имеют форму банки, расширяющейся кверху. Пифосы — малые и крупные. В донной части они вылепливались в виде глубокого блюда с круглым дном и, как правило, имеют цилиндрический корпус с приостренным или валиковидным краем венчика.

Для всего круга керамических изделий из зольника следует отметить крайне слабую дифференцированность форм, что объясняется специфическими приемами гончарной техники (лепка донной части и наращивание на нее корпуса) и, возможно, недавним введением в ремесленное производство гончарного колеса. На типах сосудов лежит печать седой архаики, позволяющей искать их прототипы в ранних слоях культуры Анау Южной Туркмении и Дамгана Северного Ирана или в местных, но еще не выясненных более древних культурах.

Эта культурная стадия впервые описывается для Согда, и мы не располагаем никакими фактическими материалами или данными (хотя бы даже стратиграфическими), которые позволили бы определить ее время. Для нас ясно лишь то, что она старше Тали-Барзу I и II, восходящую генетическую связь с которыми можно проследить по имеющимся уже материалам, и условно датируется нами в настоящий момент греко-бактрийским периодом.

Раннекушанский период. Культурные слои, соответствующие Тали-Барзу I и II, на Афрасиабе отличаются большой мощностью и обнаруживаются в пределах всего городища, свидетельствуя о процветании г. Самарканда в раннекушанское время (первые века до нашей эры).

Они связаны с Тали-Барзу I и II общностью ряда форм сосудов и, прежде всего, таких характерных, как кубков (ваз по Г. В. Григорьеву)³, массивных глиняных под-

¹ А. И. Тереножкин, Литература по археологии в Узбекистане, ВДИ, 1939, № 1, стр. 189.

² Он же, Городище Афрасиаб, СА, № 11 (печ.).

³ Г. В. Григорьев, ук. соч., рис. «а» и «б», стр. 93.

ставок с двумя головами баранов¹, терракотовых фигурок коней с высокой гребневидной гривой² и др. Их объединяет также в общем одинаковый уровень керамического производства—хорошее качество глины, высокий обжиг, применение красного ангоба и лощения.

Стратиграфически нами был исследован лишь один пункт в первом укреплении западнее места, на котором В. В. Бартольд и В. Л. Вяткин открыли остатки соборной

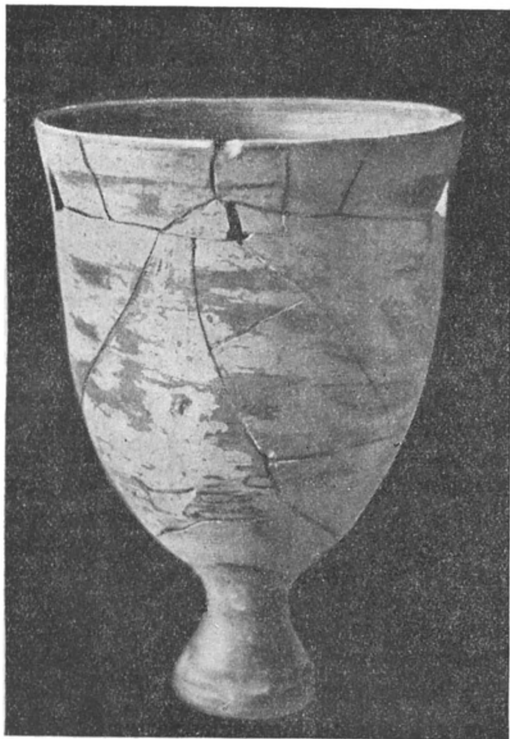

Рис. 2. Глиняный кубок. Раннекушанский период

мечети XII в. Здесь был заложен шурф, разрезавший два культурных слоя. Керамические изделия нижнего слоя отличаются высоким качеством. Для их отделки употреблен не только красный ангоб, но и красный лак очень неплохого качества. Здесь были найдены кубки с небольшим коленцевидным перегибом. Керамические изделия верхнего слоя ниже по качеству. Для него типичны кубки, имеющие вид высоких чар с чуть отогнутым наружу краем на неустойчивой ножке (рис. 2). В обоих слоях найдены фрагменты кубков и кувшинов, сделанных из серой глины, покрытых черным лаком и черным ангобом.

В яме с отходами от обжига алебаstra на восточном краю третьего укрепления был добыт комплекс керамических изделий, характеризующихся средним качеством изготовления с редким применением красного ангоба или лощения. Хумы и кувшины часто украшаются узорами в виде волнистых линий. Кубки, происходящие отсюда, представлены двумя типами: один из них очень близок к типу кубков из верхнего слоя шурфа в 1-м укреплении, а второй отличается тем, что имеет вогнутые внутрь края.

Керамические изделия из гончарной печи, открытой в стенке оврага у мавзолея Ходжа-Даньяра в восточной части 2-го укрепления, грубоваты в техническом отноше-

¹ Там же, рис. «в».

² Там же, табл. 1, рис. 4.

нии. В этой печи были найдены кубки, имеющие вид таких же ваз на устойчивой ножке, какие характерны для Тали-Барзу I и II.

Стратиграфическая и хронологическая последовательность представленных комплексов по отношению друг к другу пока не установлена.

Рис. 3. Терракотовая фигурка всадника. Раннекушанский период

Кроме кубков, в раннекушанских слоях встречаются кувшины, пифосы, сосуды в виде фляг типа ташкентской культуры Каунчи¹, сосудики на трех маленьких ножках, сосуды из дресвы. Они имеют вид котлов и котелков шаровидной формы, приспособленной к открытому очагу. Терракота в наших сборах из слоев *in situ* представлена примитивными фигурками всадников на конях (рис. 3), фигурками верблюдов, одной головкой от крупной фигурки человека (рис. 4) и фрагментированной головкой грифона (рис. 5). К известному процарапанному изображению гопатшаха на фрагменте хума из Тали-Барзу² ныне добавляется процарапанное на стенке сосуда изображение идущего коня. Для большей полноты характеристики культуры остается упомянуть часто встречающиеся в слоях примитивные ручные зернотерки, каменные песты различных форм, точильные бруски из сланцевых галек, глиняные грузила от ткацких станков и изредка трехлопастные черешковые (без порожа) небольшие железные наконечники стрел.

Рис. 4. Головка терракотовой ста-туэтки. Раннекушанский период

Рис. 5. Фрагментированная головка терракотовой фигурки грифона. Раннекушанский период

Керамика Афрасиаба по технике и по типам сосудов связана с кушанскими древностями Айртама близ Термеза³ и Хорезма⁴, еще более тесна и ощутима ее связь с

¹ М. Э. Воронцов, Археологические исследования 1937—1939 гг. в УзССР, ВДИ, 1940, № 3—4, рис. 15, стр. 337.

² К. В. Тревер, Гопатшах—пастух-царь, ТОВЭ, II, стр. 71—85.

³ См., например, указание М. И. Вязьмитиной в статье «Керамика Айртама» (в сборнике «Термезская археологическая экспедиция», II, Ташкент, 1945, стр. 51) на то, что ранние культурные наслоения Афрасиаба, для которых еще В. Л. Вяткиным были отмечены бокалы и чаши на высоких ножках, следует определять как кушанские.

⁴ А. П. Тереножкин, О древнем гончарстве в Хорусе, Известия УзФАН, 1940, № 6, стр. 54; С. П. Толстов, Новые материалы по истории Хорезма,

памятниками Каршинского оазиса (низовья р. Кашка-Дарья), например крепостей Зохах-и-Марон и Ер-Курган, обследованных нами осенью 1946 г.¹

К югу от Афрасиаба, перед местом бывших Кешских ворот древнего города у мечети Хозрет-Хызр, при случайных обстоятельствах была обследована цокольная часть ворот Аханий городских укреплений Самарканда, возведенных при Тимуре. Они были сложены из кирпичей, повторно употребленных в кладку, т. е. не приготовленных специально, а добытых из старой постройки. В кладке оказались кирпичи отличного красного обжига, но различного назначения и поразительно крупных размеров: большие прямоугольные кирпичи— $53 \times 40 \times 9$ см, прямоугольные кирпичи— $42 \times 20 \times 9$ см, квадратные кирпичи— $42 \times 42 \times 9$ см, клинчатые кирпичи размерами $48,5 \times 39$ — $26 \times 8,5$ см. Средневековая строительная техника Средней Азии не знает таких крупных стандартов для кирпичей.

Древние строители в Средней Азии предпочитали крупные кирпичи, как это хорошо прослеживается, например, на применении сырца в кладках архитектурных сооружений Хорезма. Кирпичей одинаковых размеров с кирпичами из ворот Аханий на Афрасиабе пока не найдено. Нужны дальнейшие поиски остатков самого сооружения, которое было воздвигнуто из этих кирпичей, чтобы получить ответ на многие связанные с ним историко-археологические вопросы.

Наиболее близкие стандарты сырцовых кирпичей дают нам остатки зданий Тали-Барзу I и II. Стены их, по сообщению Г. В. Григорьева, сложены из пахсы с добавлением сырцового кирпича размерами $39 \times 39 \times 9$, а своды выложены из удлиненных кирпичей, которые при толщине в 9 см имеют 52 см длины. Совпадение некоторых показателей дает право предполагать, что кирпичи ворот Аханий принадлежат к раннекушанскому времени. В таком случае, если наша гипотеза об их происхождении верна, то приведенное сравнение может послужить первым указанием, которое хоть самым приближенным образом ориентирует нас в вопросе о времени создания грандиознейшего ирригационного сооружения, представлявшего выдающуюся достопримечательность древнего Самарканда.

Во всяком случае, в ту эпоху город переживал период большого подъема, и его материальный потенциал, как позволяют определять археологические данные, был достаточно мощен для осуществления крупной строительной деятельности.

Кушанский и гунно-эфталитский период. Археологических материалов кушанского и гунно-эфталитского периода (I—середина VI вв.) Афрасиаб не дает². Отсутствие их, возможно, объясняется отмечаемым историками упадком жизни в г. Самарканде в течение первой половины первого тысячелетия нашей эры, когда на первое место в Согде выдвигается город Кушания, находившийся близ современного Ката-Кургана³.

В V в. Самарканд впервые после македонского завоевания упоминается в письменных источниках. Китайская хроника кратко сообщает о нем: «Сиваньгинский владетель имеет пребывание в городе Сиваньгине от Мими на западе»⁴.

Это пробуждение жизни в Самарканде запечатлено находкой в восточной части второго укрепления терракотового украшения, имеющего вид ступенчатого зубца, совершенно одинакового с терракотовыми зубцами из замка Ак-тепе V—VI вв. близ Ташкента⁵.

Период тюркского каганата. Материальная культура периода господства в Средней Азии тюркского каганата и усиливающейся с середины VII в. роли Китая во внутренней жизни страны для Самарканда еще не выяснена. В этом вопросе на первом месте стоят открытия в замке афшина Самарканда Диваштича на горе Муг в верховьях

ВДИ, 1946, № 1, стр. 96. Характеристики культур позволяют раннекушанские слои Афрасиаба ставить в связь с кангуйской культурой Хорезма.

¹ Предварительный отчет о поездке в Каршинский оазис. См. ВДИ, 1947, № 2.

² К этому периоду мы относим Тали-Барзу III и IV—эллинистический и кушанский слои, по Г. В. Григорьеву,

³ В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 117.

⁴ И а к и н ф, Сведения о народах, обитавших в Средней Азии, III, стр. 165.

⁵ А. И. Тереножкин, Раскопки холма Ак-тепе близ Ташкента в 1940 г., Известия УзФАН, 1941, № 3, стр. 52.

р. Зеравшана (Таджикистан)¹ и раскопки Г. В. Григорьева на городище Кафыр-кала в 12 км к югу от Самарканда².

Основная культура городища Кафыр-кала, по данным Г. В. Григорьева, подтверждается находками времени согдийских правителей второй половины VII в., обнимает VI—VII вв. и стоит в прямой связи с Тали-Барау V («сасанидский слой»). Сосуды Кафыр-кала, среди которых преобладают блюда, кувшины и кружки, близко напоминают так называемый сасанидский металл. Они обсыпались мелко толченой слюдой, блеск которой придает им металлический вид, и украшались оттисками человеческих лиц, изображений козлов, плодов и цветов граната, пальметок и розеток. Кафыр-кала являлась, повидимому, главным центром такого своеобразного высокохудожественного керамического производства, находившего сбыт в пределах довольно обширного округа.

Местонахождений с культурными слоями VI—VII вв. на Афрасиабе открыто немного. Объясняется это, несомненно, не слабым развитием этих слоев, так как Самарканд в ту эпоху, по китайским и арабским историческим известиям, вновь стал обширнейшим городом в Средней Азии, а трудностью выделения их из свиты напластований других периодов ввиду недостаточной яркости местных керамических форм. Легче обнаруживаются эти культурные наслоения в тех случаях, когда они сопровождаются находками обломков сосудов типа Кафыр-кала, служивших предметом ввоза в Самарканд, и медными монетами согдийских правителей, чеканенными по китайскому типу.

Наиболее важным объектом этого времени можно считать остатки мастерской ювелира, открытой в западном углу 3-го укрепления. Здесь были найдены обломки цилиндрических тиглей, куски шлаков цветных металлов, глиняные сосуды самаркандской работы и обломки кафыркалинских сосудов с слюдяной обсыпкой и рельефными оттисками веток граната.

Арабское завоевание в начале VIII в. служит поворотным пунктом в истории и истории культуры народов Средней Азии: с крушением сасанидской монархии они включаются в сферу непосредственных переднеазиатских и средиземноморских влияний; в известной степени парализуются политические и культурные воздействия восточноазиатского мира, в частности Китая и степных тюркских объединений; зороастризм и буддизм уступают место исламу, ставшему официальной религией страны; рушатся древние традиции, ускоряется процесс смены рабовладельческих отношений феодальными.

Арабское завоевание повлекло за собой изменение в этническом составе населения Самарканда. Так, по одному сообщению Несефи, все дома в г. Самарканде были отданы арабам, а местное героически защищавшееся население было поголовно уничтожено³; по другому сообщению, арабы выселили жителей Самарканда в сторону Туркестана и гор⁴. Таким образом, арабское завоевание привело к тому, что древняя культура Самарканда уступила место иной культуре, генетически мало связанной с прошлым этого древнейшего города.

На основании анализа большого количества неглазурованных и глазурованных сосудов и отдельных предметов, добытых из поглощающих колодцев (железные ножицы, бусы, монеты и пр.), арабский период делится на три стадии: 1) раннеарабскую (начало—середина VIII в.), среднеарабскую (конец VIII—начало IX в.), позднеарабскую (середина IX в.).

К концу раннеарабской стадии, т. е. примерно к середине VIII в., следует отнести первые, робкие опыты применения глазури самаркандскими гончарами. Глазурованные сосуды типа кувшинчиков, мисочек и плошек, сделанные из чистой лёссовидной глины,

¹ «Согдийский сборник», Л., 1934.

² Г. В. Григорьев, К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда, «Краткие сообщения ИИМК», XII, 1946, стр. 94—103.

³ «Кандия Малая», перевод В. Вяткина, «Справочная книжка Самаркандской области за 1906 г.» (вып. VIII), стр. 246—247.

⁴ Там же, стр. 249.

встречаются на первых порах очень редко. Вместе с глазурованием, как отмечено выше, появляются и подглазурные росписи, наносившиеся бледноватой бурой и зеленой краской по желто-лимонному фону. Низкое качество красок сопутствуется слабостью и несложностью линейных геометрических узоров (рис. 6).

На среднеарабской стадии замечается резкое увеличение количества глазурованной посуды. Повышается качество глазури, совершенствуется, становится более разнообразным рисунок и вырабатывается определенный устойчивый стиль. Глазурью покрываются преимущественно миски, имеющие вид сегмента шара на низком поддоне, и блюда с широкими отлогими краями. Они расписываются зеленой или голубовато-зеленой и коричневой с фиолетовым оттенком краской по белому или чаще по мутному белому фону; роспись линейная, образующая сетки, квадраты, секторы, которые заполняются иногда простенькими растительными узорами с заполнением рисунка рассеянными точками (рис. 7).

Работы В. Л. Вяткина¹ и И. А. Сухарева² позволяют восполнить приведенную характеристику глазурованной посуды еще одним признаком: на ней впервые появляются арабские надписи куфа. Факт знаменательный, и он должен был предостеречь

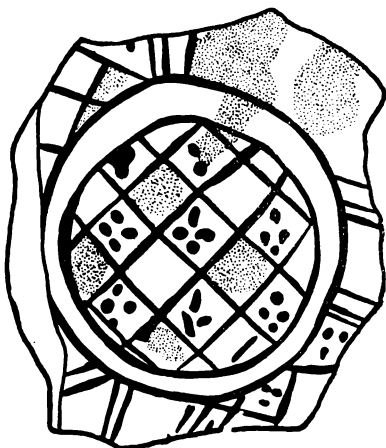

Рис. 6. Фрагмент глазурованной мисочки с росписью зеленой и бурой краской по желтому фону. Раннеарабская стадия

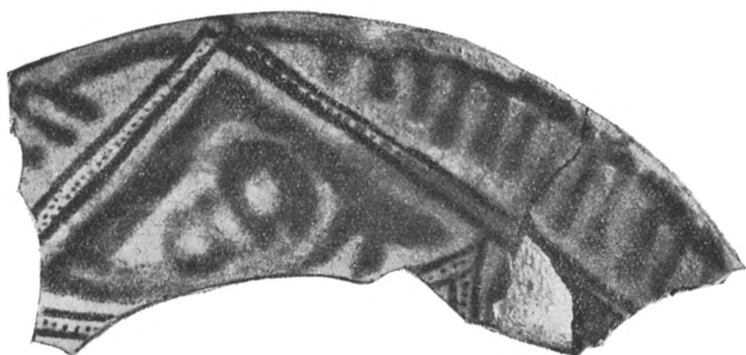

Рис. 7. Фрагмент глазурованного блюда с росписью зеленой и коричневой краской. Среднеарабская стадия

И. А. Сухарева от датировки появления глазурованной посуды этого стиля 20-ми—30-ми гг. VIII в.

На среднеарабской стадии исчезают глиняные кружки, вместе с тем исчезают кувшины и котлы старых форм. На смену им появляются одноручные кувшины с выпуклым яйцевидным корпусом и широким низким горлом с утолщенным внутри и снаружи венчиком; широко распространяются тонкостенные выпуклые кувшинчики с высоким

¹ «Афрасиаб...», стр. 47, рис. 57 и стр. 49, рис. 58; блюдо, представленное на последнем рисунке, обращает внимание выполненным в том же стиле изображением мифологического существа в виде коня с головой птицы.

² И. А. Сухарев, Ранняя поливная керамика Самарканда, «Труды Узбекстанского государственного университета», новая серия, II, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 14.

горлом в виде раструба и кувшинчики с узким, в виде трубки горлом, формы которых эволюционируют и в течение ближайших последующих веков; распространяются полусферические котлы с широким, сильно вогнутым внутрь краем, приспособленным для закрывания крышкой.

В позднеарабское время возникает новый стиль глазурованной посуды. Блюда и мисочки, формы которых становятся угловатее, украшаются процарапанным, часто

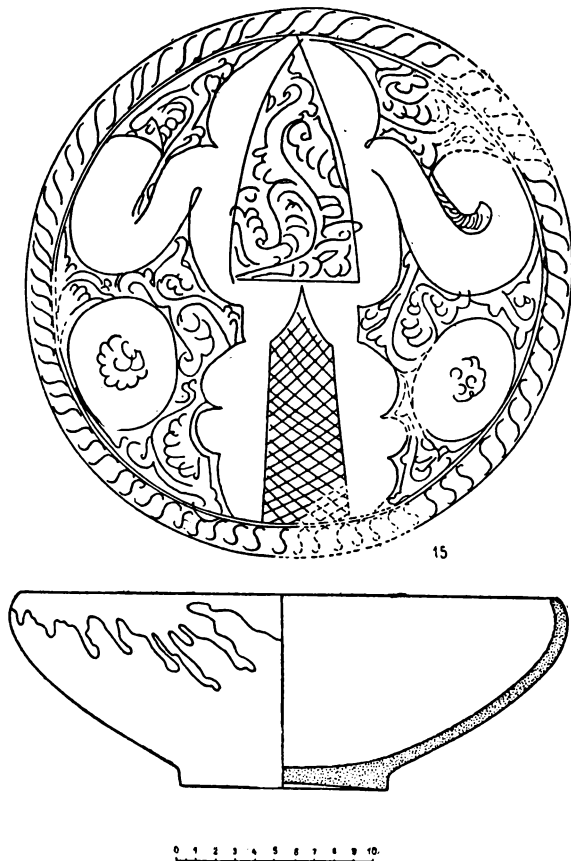

Рис. 8. Прочерченный орнамент на глазурованном блюде.
Позднеарабская стадия

весьма вычурным, растительным узором (рис. 8) и почти беспорядочно отделяются пятнами и линиями зеленой, желтой и коричневой красок, пестрая и сильно расплывчатая смесь которых покрывает почти всю поверхность внутри.

В 1927 г. В. Л. Вяткиным на Афрасиабе был открыт михраб мечети, украшенный резьбой по алебастру растительными узорами¹, выполненными в манере, близкой к процарапанным узорам на описанных блюдах (рис. 9), что позволяет поставить вопрос о датировке этого памятника, примерно, серединой IX в.

Саманидский период. К саманидскому периоду относится одно помещение, открытое над упомянутой выше мастерской предыдущего периода. Оно было датировано тремя медными монетами отличной сохранности Исмала бен-Ахмеда, чекаганными в

¹ К сожалению, этот интересный памятник культуры не сохранился. Возможности ознакомиться с ними мы обязаны Б. Н. Засыпкину, который предоставил нам серию фотоснимков с михраба, снятых им во время раскопок В. Л. Вяткина, и разрешил воспользоваться ими в нашей работе, за что, пользуясь случаем, приносим благодарность.

Самарканде в 894—896 гг. н. э., и несколькими саманидскими монетами худшей сохранности первой половины X в. В помещении были найдены: большое фрагментированное блюдо, несколько крупных фрагментов глазурованных блюд, глазу-

Рис. 9. Деталь прочерченного узора по алебастру михраба мечети, открытой В. Л. Вяткиным в 1927 г. Позднеарабская стадия

рованная ваза, кувшинчики, глиняные светильники, один светильник из шифера, фрагментированные стеклянные сосуды, гипсовая подставка с вделанными в нее 3 стеклянными баночками, серебряная серьга, бусы, часть глиняного очажка и ряд других менее значительных предметов.

Рис. 10. Фрагмент глазурованного блюда с узором в виде надписи. Саманидский период

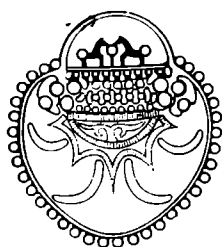
В украшении блюд и других сосудов большое значение приобретают надписи с выражениями благопожеланий владельцу, исполненные строгой куфи, как на монетах, или реже—цветущей куфи. Часто надписи служат единственным и, следует заметить, совершенно достойным украшением сосудов (рис. 10).

Материалов для XI—XII вв. на Афрасиабе добыто пока так мало, что их еще недостаточно даже для самых общих определений своеобразия культуры этого периода.

А. Тереножкин

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1969

С. К. КАБАНОВ

ИЗУЧЕНИЕ СТРАТИГРАФИИ ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ АФАНАСЬЕВИЧА ШИШКИНА
ПОСВЯЩАЮ

В северной части городища Афрасиаб — развалин древнего Самарканда — отчетливо выделяется в рельефе возвышенность, подпрямоугольная в плане, и прилегающая к ней с запада ложбина, общей площадью в 9 га; крутой склон между возвышенностью и ложбиной несколько сглажен в его северной части, где образуется относительно пологий выступ на запад, в сторону ложбины (рис. 1), вдоль северного края городища. На этом выступе А. И. Тереножкин в 1947 г. заложил раскоп, в котором была выявлена западная часть древнего здания. В 1959 г. руководитель Самаркандского отряда Узбекистанской археологической экспедиции В. А. Шишкин предложил автору настоящей статьи продолжить раскоп с целью полного вскрытия этого памятника. Позднее раскоп был значительно расширен, причем основной задачей работ стало уже стратиграфическое изучение наслоений городища на данном его участке. Площадь раскопа 6 была доведена до 900 м² (не считая старого раскопа площадью около 300 м²), который также был нами расчищен. Было установлено, что наибольшая мощность культурных наслоений в данном месте — 6 м.

Некоторые сведения о раскопе 6 по работам 1959—1962 гг. были нами опубликованы¹, причем в этой статье были упомянуты два древних сооружения, вскрытые в раскопе, — древняя крепостная (городская) стена и древнее здание; раскрытие в раскопе этих конструктивных элементов — чуть ли не первых памятников архитектурного облика, выявленных в древнейших наслоениях Афрасиаба, — создало благоприятные условия для стратиграфического изучения нижних наслоений городища, еще мало изученных.

Древняя крепостная стена является наиболее крупным из вскрытых в раскопе сооружений, прослежена она в пределах раскопа на протяжении 62 м². Стена была возведена вдоль края очень крутого и высокого склона, местами переходящего в обрыв к потоку Сиаб. В своей планировке стена следовала изгибам древнего края склона (рис. 2).

Под стеной был обнаружен слой плотной глины с обломками толстостенных керамических изделий, залегающий непосредственно на материковом лёссе; толщина этого культурного слоя от 0,5 до 2 м, в зависимости от рельефа поверхности природного грунта. Из посуды наиболее характерной в этом слое находкой был почти целый коническо-цилиндрический сосуд (рис. 3, 1), толстостенный, покрытый серым ангобом; подобные сосуды были найдены А. И. Тереножкиным в южной части городища и отнесены им к слою Афрасиаб I, датированному VI—IV вв. до н. э.³ Известно, что сосуды этого вида были найдены в наслоениях многих других памят-

¹ С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм. СА, 1964, 3, стр. 79—87.

² Раскопки крепостной стены были продолжены в 1965—1966 гг. В работах на раскопе № 6 принимали участие Д. П. Вархотова (1959 г.), М. И. Филанович (1959—1961 гг.), В. Я. Суровенков (1962 г.) и М. С. Саадилов (1966 г.).

³ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, рис. 69, II.

Рис. 1. Вид на раскоп 6 (в центре) с юга

ников Средней Азии⁴, а также в Северном Афганистане⁵. Слои, обнаруженный под фундаментом стены, совершенно изолирован им сверху; другие керамические находки — этого же вида (рис. 3, 2—6). Кроме того, был найден бронзовый двуперый наконечник стрелы (рис. 4, 1), также относящийся к указанному времени⁶. Для удобства изложения назовем этот древнейший слой древнесогдийским.

Как показали раскопки, при подготовке к сооружению крепостной стены строители прежде всего подравнивали вдоль края обрыва полосу нужной ширины, оставив нетронутой нижнюю часть древнейшего культурного слоя; в местах, где грунт оказывался недостаточно плотным, его заменяли кусками перемешанной глины. На подготовленную полосу накладывался фундамент, состоявший из смеси плотной темно-желтой глины и галечникового камня, слоем толщиной в 40—55 см. На ровной поверхности этого слоя и воздвигалась крепостная стена из квадратного сырцового кирпича. Кирпичная кладка в пределах раскопа на значительном отрезке не сохранилась, но трасса стены полностью прослежена по фундаменту, который лишь местами был пробит наиболее глубокими ямами.

По своей планировке и толщине стена делится на две части: восточную, с коридором внутри, и западную, сплошную, толщиной в 2,8 м. Часть стены с коридором, видимо, была особо ответственной частью оборонительного сооружения, общая толщина стены достигала здесь 5,8—6 м, при ширине коридора в 1,8—2 м. Соответственно очертаниям древнего обрыва коридор под тупым углом делился на два сектора — северный и западный.

В стене с коридором перекрытие не сохранилось, поэтому она представляла перед нами как двойная (рис. 5). Видимо, северный фас стены был более мощным, так как толщина даже внутренней ее части равна 2,2 м, тогда как в западном секторе коридора толщина его внешней стены равна 1,8 м. Во внешней части стены было два проема, из них один выводил к северу, второй — к западу, причем над последним сохранилось перекрытие очень своеобразной конструкции: глиняные удлиненные блоки длиной в 70 см, в сечении прямоугольные, были поставлены наклонно на отступы в стене, образуя верхними сомкнутыми углами довольно правильную стрельчатую арку; блоки внутри были скреплены пучками камыша.

Чем объяснить наличие проемов во внешней части стены? В северном секторе коридора проем, возможно, выводил в башню, от которой теперь остатков не сохранилось, за исключением продолжающейся до самого обрыва кладки фундамента. Что же касается западного проема, то он выводил на небольшую площадку, в древности ограниченную с севера и запада обрывом. Проем был открыт относительно недолго, он был заложен кирпичом таких же размеров, как и в кладке самой стены; в закладке проема найден трехперый наконечник стрелы (рис. 4, 3).

⁴ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргяны. МИА, 73, 1959, стр. 42—44.

⁵ J.-C. Gardin. *Ceramiques de Bactres*. MDAFA, XV, Paris, 1957, V, 2a; VI, 18.

⁶ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафир-нигана (Кобадиян) (1950—1951 гг.). МИА, 37, 1953, стр. 280.

Внутренняя поверхность крепостной стены, обращенная в сторону города, была украшена пилястрами; следовательно, к стене не примыкали другие постройки, они были отделены от стены проходом.

Для исследования структуры стены в ее северной части был сделан разрез, с разбором кладки, поперечной полосой шириною в 1,5 м (рис. 6); для разреза было выбрано место, где коридор был сужен до размеров прохода шириною в 95 см ремонтной кладкой, приложенной к внутренней части стены. При расчистке поверхности стены сверху выяснилось, что в намеченном для разреза месте как основную, так и ремонтную кладку прорезает яма. Выше уже отмечалось, что стена была повреждена углублениями, были известны ямы X, VIII, IV—V вв., но эта оказалась наиболее древней, в ней были обнаружены материалы, которые нельзя было датировать временем более поздним, чем I в. до н. э., следовательно,

стена была построена еще раньше. В разрезе выяснился характер кладок, как основной, так и ремонтной. Перевязка была только по вертикали. Ремонтная кладка уложена не непосредственно на фундамент, как основная стена, а на подкладку из глины, положенной на деревянный настил, которым был покрыт пол коридора; от этого настила сохранилась полоска буро-го тлена толщиной в 2—3 см.

Размер кирпича в основной кладке почти стандартный, с длинной стороны квадрата в 35—36 см и толщиной в 15—16 см, в ремонтной — длина стороны в пределах 32—35 см при толщине 15—17 см. Почти на всех кирпичах, на нижних их поверхностях имеются знаки-клейма.

Фундамент в месте разреза достигает максимальной толщины — 55 см; под фундаментом был обнаружен культурный слой мощностью до 1,4 м с древнесогдийской керамикой. Поверхность материкового лёсса слегка наклонна в сторону Сиаба.

Переходя к вопросу о датировке стены, напомним, что выше уже был отмечен важный признак, свидетельствующий о древности этого фортификационного сооружения — яма с древней керамикой, прорезающая ее внутреннюю часть. Кирпич по своей толщине тяготеет к памятникам Тохаристана II—I вв. до н. э.⁷ Характерно также наличие знаков-клейм на кирпичах, разнообразных и сложных. Знаки эти уже широко известны в литературе⁸, сами по себе они не могут быть хотя бы относительно точ-

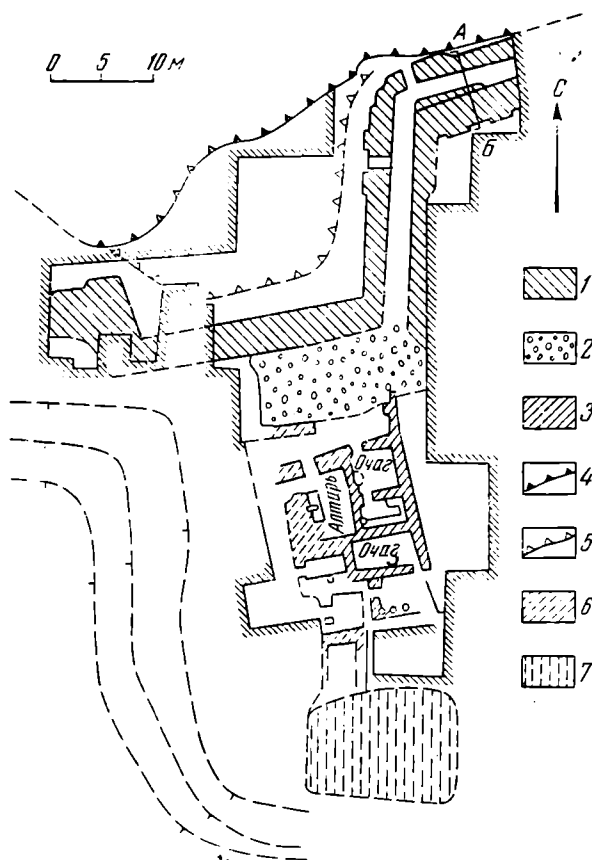

Рис. 2. Схематический план раскопа 6. Условные обозначения:

1 — древняя крепостная стена; 2 — фундамент древней крепостной стены с несохранившейся кирпичной кладкой; 3 — древнее здание; 4 — край современного склона; 5 — край древнего обрыва; 6 — часть древнего здания, вскрытая в 1947 г.; 7 — древние завалы, расчищенные в 1947 г. А — Б — место разреза древней стены (см. рис. 6)

⁷ Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 126, 127.

⁸ А. В. Гудкова. Ток-Кала. Ташкент, 1964, стр. 33—36; Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 129, 130.

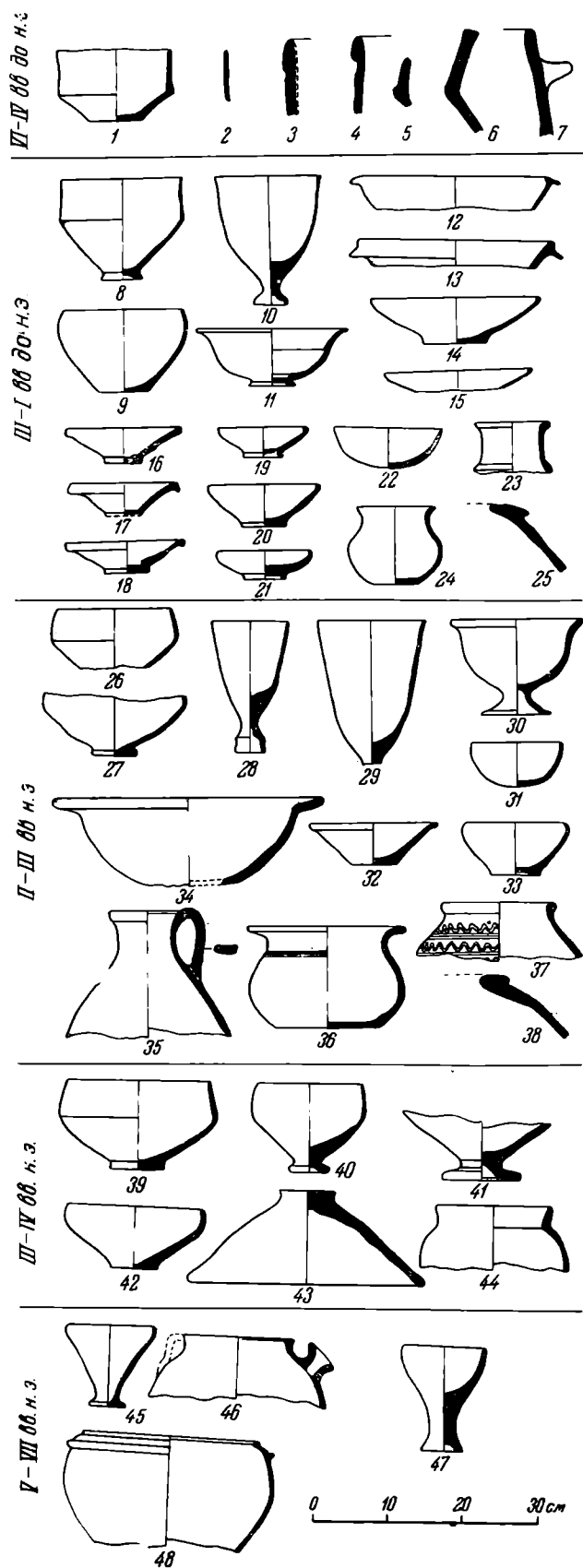

Рис. 3. Формы сосудов

ным датирующим признаком, поскольку бытовали в течение длительного периода, примерно с III в. до н. э. и до III в. н. э. Однако в сочетании с другим важным признаком — толщиной кирпича — они указывают на раннюю половину этого периода.

Для посуды из наслоенной, прикрывавших стену, наиболее характерны кубки древнейших форм — приземистые, относительно устойчивые (рис. 3, 10), датируемый III—II вв. до н. э.⁹ В мелких фрагментах встретились чаши с коленчатым перегибом корпуса, также их древнейшего типа. Здесь же найден и сосуд банкообразной формы (рис. 3, 9), датируемый IV—III вв. до н. э.¹⁰ Отметим и находки тонкостенных сосудов в виде блюдец или мисок с краями, резко отогнутыми наружу (рис. 3, 12) или же загнутыми внутрь (рис. 3, 19); подробнее на рассмотрении этих двух форм сосудов мы остановимся ниже. Наконец, здесь же найден и трехпестрый наконечник стрелы, датируемый V—IV вв. до н. э. (рис. 4, 2)¹¹. Тем не менее стену нельзя датировать этим же временем потому, что в самих кирпичах, из которых она сложена, и в связывающем их растворе найдены фрагменты сосудов, которые

⁹ С. К. Кабанов. Ук. соч. стр. 85.

¹⁰ А. И. Тереножкин. Ук. соч. рис. 69, III, 1.

¹¹ В. М. Масон. Указ. соч. стр. 47, 48; С. П. Толстов датирует их несколько более ранним временем — VI—V вв., С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 98.

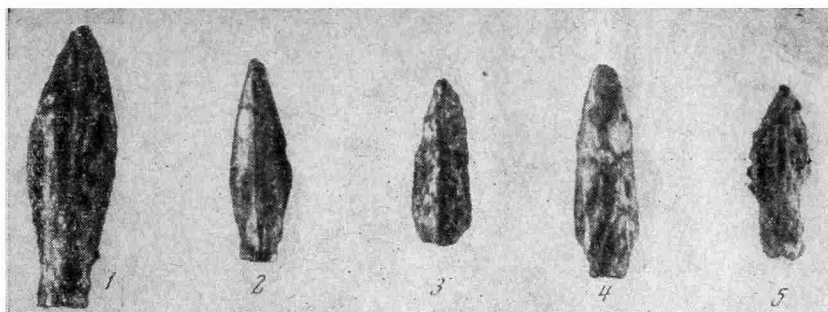

Рис. 4. Наконечники стрел

относятся к III—II вв. до н. э., следовательно, это показывает, что стена, вероятнее всего, построена в первой половине II в. до н. э. В то же время совершенно не исключается и вероятность ее постройки в конце III в. до н. э. Период, к которому относится это сооружение, можно назвать согдийско-эллинистическим. Южнее древней крепостной стены в нашем раскопе были раскрыты остатки другого крупного сооружения.

Западную часть этого древнего здания, как уже указывалось, еще в 1947 г. раскрыл А. И. Тереножкин. Старый раскоп к моменту возобновления работ сильно заплыл, тем не менее удалось расчистить пять помещений, из них три — до восстановления их плана. В одном из этих помещений, размером $5,6 \times 3,4$ м, у западной стены был раскрыт культовый очаг — алтарь огнепоклонников, уже известный в литературе¹². Рядом с алтарем, сооруженном на возвышении, стоял хум — крупный сосуд для хранения воды или зерна. На полу помещения обнаружен слой золы толщиной в 10 см.

К востоку от помещения с алтарем нами были раскрыты два помещения, соединенные проемом. В одном из этих помещений — северном — западная стена имела три неглубокие ниши; перед средней из них пол был слегка приподнят и обожжен. Несомненно, здесь был очаг, хотя стенки его не сохранились. Золы не было совсем, обломков посуды — мало. В другом помещении, меньших размеров, расположенном южнее, вдоль стен были устроены возвышения из глины для сиденья (суфы), а у западной стены стоял хум. На полу была найдена редкая терракота — изображение богини-матери.

К югу от помещения с суфами было расчищено довольно большое помещение, вытянутое с востока на запад. В этом помещении выявлено три пола-уровня, на среднем из них обнаружен очаг с подковообразными стенками. В завалах над полами было много обломков сосудов. Это помещение с очагом было соединено проемом только с одним помещением, расположенном южнее; в этом последнем также было обнаружено три пола, на уровне верхнего из них было расчищено четыре хума, три из них были поставлены рядом. В отложениях было много фрагментов посуды и круглых подвесок из необожженной глины, видимо, от ткацкого станка.

Остатки здания были вскрыты полностью (рис. 7). Выяснилось, что оно было построено отдельно, к нему не примыкали другие строения. Восточная глухая стена здания в своей нижней сохранившейся части прилежала к более древним завалам. Главный фасад, видимо, возвышался над ложбиной, с западной стороны, однако, от него ничего не осталось. В сохранившейся части здания четко различаются две половины — южная, с признаками интенсивной хозяйственной деятельности, и северная, пред-

¹² Л. И. Ремпель. Изображение «Дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасиаба. ДАН ТаджССР, Сталинабад, 1953, стр. 25—30; В. А. Шишкин. Узбекп-станская археологическая экспедиция АН УзССР. ИМКУ, 2, Ташкент, 1961, стр. 39, 40.

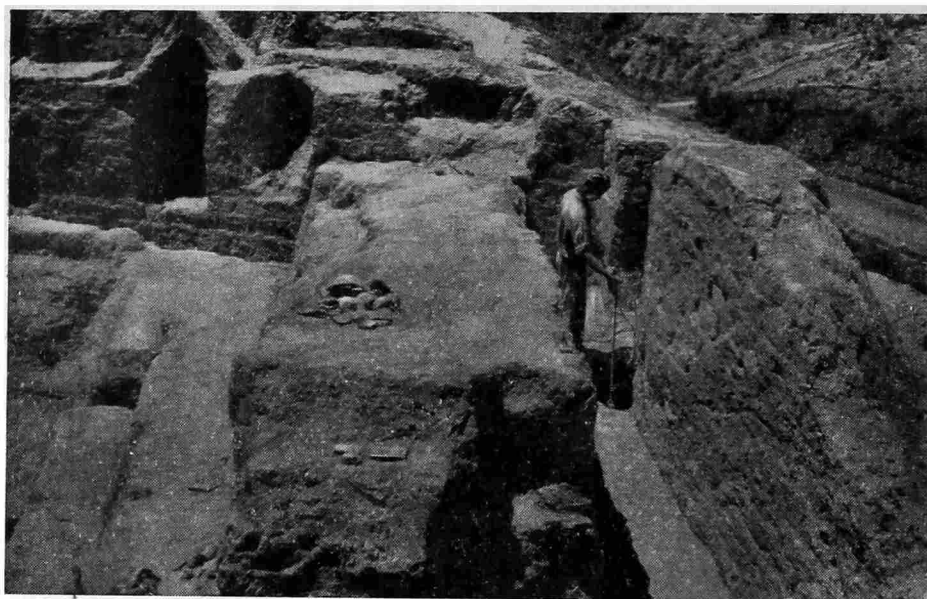

Рис. 5. Рудны древней крепостной стены в ее северной части. Вид с востока

назначавшаяся для общественных надобностей. Три помещения, первое — с алтарем, второе — с очагом, и третье — с суфами, надо полагать, составляли «общественный комплекс», подобный по назначению раскрытым помещениям в зданиях Пенджикента¹³, но, как мы увидим ниже, значительно более древний.

В кладке древнего здания в различных местах отмечен кирпич следующих размеров: $35-36,5 \times 35-36,5 \times 10-11$ см; $38 \times 38 \times 10$ см; $40 \times 40 \times 9-10$ см.

При сравнении размеров этого кирпича с кирпичом из древней крепостной стены замечается увеличение размеров кирпича в ребре и уменьшение его толщины, это — существенное наблюдение для ориентировочной датировки здания, в особенности характерен факт уменьшения толщины кирпича. Выше уже отмечено, что по толщине кирпич из древней крепостной стены находит себе аналоги в памятниках Тохаристана II—I вв. до н. э., но если этот же признак кирпича из древнего здания сопоставить с материалами исследований в Тохаристане, то выясняется, что по этому признаку его можно датировать I—III вв. н. э.¹⁴

Полы помещений в здании сохранились хорошо, они нигде не были пробиты более поздними ямами; следовательно, можно было рассчитывать, что под полами будет обнаружен совершенно изолированный культурный слой, характеризующий предшествующий период в истории города. В помещениях было заложено три шурфа до материкового лёсса, и сплошной полосой углублен раскоп вдоль восточных стен хозяйственных помещений. Выяснилось, что здание было построено без фундамента, на древних отвалах; только в одном месте, возле очага хозяйственного помещения были обнаружены признаки кладки из крупного кирпича, характерные для древней крепостной стены. Известный нам слой глины с галечниковым камнем, служивший фундаментом для крепостной стены, здесь, под зданием, не обнаружен; не было и древнесогдийского слоя.

Завалы, подстилавшие древнее здание, насыщены фрагментами керамики согдийско-эллинистического слоя, известного нам по раскопкам древ-

¹³ В. Л. Воронина. К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии. СА, 1957, 4, стр. 85—87.

¹⁴ Г. А. Пугаченкова. Халчаян, стр. 126, 127.

ней крепостной стены. В комплексе керамических изделий также наиболее характерными были кубки и чаши с коленчатым перегибом корпуса с тем, однако, различием, что если над полом коридора стены лучше были представлены кубки, то здесь, под зданием, — чаши (рис. 3, 8). Лучше здесь представлены и сосуды типа блюдец или небольших мисок двух видов — с круто отогнутым наружу венчиком (рис. 3, 16—18) или с загибом края вверх и внутрь сосуда (рис. 3, 20—21); высота таких сосудов обычно 4—5 см, диаметр—12—16 см. Сосуды с отогнутым венчиком отличаются прямыми стенками и наличием в доньшке характерного выема, иногда окруженного валиком, а также еще и тем, что покрывались они плотным серым ангобом, в отличие от сосудов с загнутым венчиком, стены которых чаще покрывались красным ангобом. Встречаются сосуды и более развитых форм обоих этих видов, больших размеров (рис. 3, 12—15); особенно хорошего качества красный ангоб, иногда с лощением, в крупных сосудах с загнутым внутрь венчиком.

Последние две керамические формы, на описании которых мы

относительно подробно остановились, найдены и в других местах Афрасиаба¹⁵ (так же, как и кубки и чаши с коленчатым перегибом корпуса), что говорит об их относительно большой распространенности у населения городища. Видимо (судя по схематическим чертежам), такие сосуды были найдены и А. И. Тереножкиным, отнесшим их к периоду Афрасиаб II¹⁶, отдельные их находки были также в древнем Балхе¹⁷.

Однако рассматриваемым сосудам есть аналогии и в более отдаленных местах. В посуде из города Мирмекия Боспорского царства в отложениях III—II вв. до н. э. отмечены сосуды также в виде небольшого блюда на кольцевом поддоне, с прямыми стенками, резко отогнутым наружу краем и с характерными углублениями в доньшке; сосуды эти определяются как рыбные блюда¹⁸. Вместе с ними найдены и сосуды с загнутыми внутрь краями¹⁹, также вполне аналогичные найденным на Афрасиабе.

Помимо этого, подобные же блюда или миски найдены на восточном побережье Греции, на п-ове Корони. В раскопочном материале там отмечены сосуды на поддоне, правда, с чуть закругленными стенками, не прямыми, как в наших находках, с отогнутыми наружу краями и с углубле-

Рис. 6. Разрез стены:

1 — материковый лёсс; 2 — древнейший культурный слой (VI—V вв. до н. э.); 3 — фундамент древней крепостной стены; 4 — внешняя часть стены; 5 — внутренняя часть стены; 6 — ремонтная кладка; 7 — древняя яма. Вид сверху (с края раскопа)

¹⁵ В южной части городища — в раскопах Н. Б. Немцевой и в западной части — в раскопе Г. В. Шишкиной.

¹⁶ А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 69, III, 3—4.

¹⁷ J.-C. Gardin. Ук. соч., табл. IV, 18; VII, 23a.

¹⁸ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МПА, 25, 1952, стр. 202, рис. 115, 1.

¹⁹ Там же, рис. 115, 2, 4, 6, 8.

Рис. 7. Руины здания времени кушан (I—III вв.). Вид с северо-востока. Знаком X отмечено помещение с очагом

случайным, оно свидетельствует о том, что эллинистические традиции находили свое отражение в изделиях гончаров древней Мараканды.

В завалах под зданием обнаружен значительный комплекс керамики, здесь мы можем отметить еще некоторые формы сосудов: круглодонную красноангобированную чашу (рис. 3, 22), кувшин с цилиндрическим горлышком и с характерным под ним валиком (рис. 3, 23); миниатюрный горшочек (рис. 3, 24). Тонкостенные сосуды обычно хорошего обжига, преобладает красный ангоб, иногда с полосчатым лощением. Под зданием были найдены еще два наконечника стрел (рис. 4, 4—5).

Приведенные материалы, надо полагать, достаточны для датировки рассматриваемого комплекса: как фундамент крепостной стены изолировал сверху древнесогдийский слой, так и пол здания изолировал сверху нижележащие наслоения, отчетливо определяемые согдийско-эллинистическим временем — III—I вв. до н. э. При постройке здания древние завалы и, возможно, некоторые конструктивные остатки были подравнены, и на образовавшейся площадке, без фундамента, было построено здание. Устанавливается, таким образом, хронологический предел, ранее которого не могло быть выстроено здание, это — I в. Время постройки здания те-

нием в доннышке, даже обрамленном валиком, как на некоторых сосудах из наслоений Афрасаба; эти сосуды также определены как рыбные блюда²⁰. Там же найдены и сосуды с характерной изогнутостью корпуса вверх и внутрь²¹. Поселение (лагерь) на п-ове Корони датировано монетами первой половиной III в. до н. э.²²

Недавно (1964 г.) разведочными раскопками французских археологов в Северном Афганистане, на городище Ай-Ханум — однослойном памятнике эллинистического времени — раскрыт целый бытовой комплекс, несомненно связанный с эллинистической культурой Передней Азии и Александрии. Среди обнаруженных там керамических изделий выявлены и рыбные блюда²³, похожие на сосуды этого вида из Афрасаба.

Разумеется, распространение сосудов рассматриваемого вида на столь обширных территориях не может быть

²⁰ E. Vanderpool, J. R. McCredie, A. Steinberg. Koroni: A Ptolemaic Camp on the East Coast of Attica. «Hesperia», XXXI, 1, 1962, стр. 40, рис. 8, 18.

²¹ Там же, рис. 8, 12—13.

²² Там же, стр. 57.

²³ D. Schlumberger et P. Bernard. Ai Khanoum. BCH, LXXXIX, 1965, II, Athenes — Paris, стр. 607, 608, фиг. 6, 1—3. Указанием на эту статью автор обязан А. М. Беленицкому.

перь возможно установить по керамическому комплексу, обнаруженному в завалах, заполнявших его помещения.

Прежде всего здесь обращают на себя внимание уже известные нам чаши с перегибом стенок корпуса и кубки, облик которых, однако, значительно изменился: чаши — приземистые, с плавным перегибом корпуса (рис. 3, 26—27), кубки, наоборот, стали делать более вытянутыми в высоту, с трубчатой высокой ножкой (рис. 3, 28—29). Выявлена новая форма сосудов, ранее не встречавшаяся, — приземистая ваза на невысокой полый ножке (рис. 3, 30). У кувшинов чаще всего горлышко плавно переходит в тулово (рис. 3, 35), но продолжали изготавливаться сосуды этого вида и с цилиндрическим горлом. Характерны сосуды с прямыми стенками и с отверстиями в доннышке (рис. 3, 32); похоже сосуды найдены в развалинах поселений III—V вв. в долине р. Кашка-Дарья²⁴. Встретилась чаша с загнутым венчиком (рис. 3, 33), более вытянутая в высоту, чем сосуды этого вида из более древнего слоя, но совершенно исчезли рыбные блюда.

Произошло изменение в самой технике гончарного дела: сосуды стали более толстостенными, черенок — рыхлый, ангоб — красновато-коричневых оттенков, непрочный, хотя и встречаются сосуды с плотным ангобом, в особенности на внутренних поверхностях кубков. Крупные сосуды поверх серого ангоба украшались внаброс красновато-коричневым ангобом. При сравнении керамических комплексов, найденных под полом здания и в его помещениях, наблюдаются определенные признаки преемственности в формах сосудов, однако в облике и в качестве изделий произошли значительные изменения; это обстоятельство, так же как и отмеченное выше изменение в размерах кирпича, свидетельствует о том, что здание не сразу было построено после образования древних завалов, что прошел длительный промежуток времени, вероятно 100—150 лет, прежде чем на заброшенном участке было выстроено описанное здание. Таким образом, если разрушение древней крепостной стены в ее внутренней части могло произойти в I в. до н. э., то возведение нового здания южнее этой стены могло состояться не ранее конца I в. н. э., а найденный в его помещениях керамический комплекс возможно датировать II—III вв.

Выше было отмечено, что в одном из помещений здания, на полу комнаты с суфами, была найдена терракотовая фигурка богини-матери (рис. 8) из красной глины, покрытая беловатым ангобом, почти истертым на лицевой стороне. Высота терракоты — 10,4 см. Изображение нанесено штампом, образ передан схематично, к тому же черты лица и одеяние сильно истерты, надо полагать, при выполнении ритуала. Лицо уплощенное, глаза — в виде округлых бугорков расположены асимметрично, но дугобразные брови — правильных очертаний; между бровями — бугорок, видимо, изображающий украшение. Нос уплощенный, широкий, в виде треугольного выступа; овальный, слегка скошенный рот. Головной убор в виде высокой накладки, над лбом изогнут арочкой с бахромой. Шея непомерно массивная, украшена ниткой крупных бус. Плечи лишь немного шире головы.

Рис. 8. Терракотовое изображение богини-матери

²⁴ С. К. Кабанов. Руины поселения III—V вв. в долине Кашка-Дарья. ИМКУ. С, 1965, стр. 79, рис. 4, 1—4.

Руки согнуты в локтях и прижаты ладонями под грудь. Складки платья еле намечаются.

По определению В. А. Мешкерис, образ, выраженный в описанной терракоте, генетически восходит к переднеазиатской богине Иштарь или Наннае, но не исключается и возможность независимого возникновения образа богини-матери в среде земледельческих народов Средней Азии. В. А. Мешкерис датирует подобную терракоту VI—III вв. до н. э.²⁵

Место нашей находки установлено точно, комплекс, к которому она относится, не может быть датирован временем более ранним, чем II—III вв. Видимо, образ богини-матери в среде древних земледельческих народов, в данном случае согдийцев, был очень устойчивым, что в религии собственно и не является исключением, это — канонизированный образ.

Итак, мы рассмотрели комплекс находок из здания II—III вв., относящегося к периоду, который обычно называют кушанским. К этому комплексу, по технике изготовления и формам сосудов, тяготеет большая группа сосудов, найденных вне здания примерно на его уровне или несколько выше, которые можно датировать III—IV вв. Из этой группы наиболее характерны чаши с коленчатым перегибом корпуса (рис. 3, 39—40) и вазы более грубой работы и с ножкой большего диаметра (рис. 3, 41) различной высоты, иногда с кольцевым валиком на ножке. Показательны трудности, с которыми столкнулись исследователи при датировке этих vaz. Г. В. Григорьев отнес их к слою Тали-Барзу I и датировал их первой половиной I тысячелетия до н. э.²⁶ А. И. Тереножкин показал завышенность датировки указанного слоя, а следовательно, и данной формы, датировав ее I в. до н. э. — I в. н. э.²⁷ В нашем раскопе, как уже указывалось, вазы найдены в развалинах древнего здания, и, следовательно, есть основание их датировать II—III вв., но они же в худших, по технике изготовления, экземплярах найдены и в более поздних наслоениях, которые можно датировать IV в. Известны находки этих vaz и в условиях, позволяющих исследователям допускать более позднюю их датировку — V—VI вв.²⁸; опубликованные ими материалы, однако, показывают, что найдены они в сильно перемешанных наслоениях, которые в целом можно датировать II—VI вв.

В позднекушанских наслоениях нами найдены толстостенные крышки для хумов (рис. 3, 43), которые А. И. Тереножкин датировал по крайней мере I в.²⁹, но нашими данными это не подтверждается (на этом расхождении мы остановимся ниже). Характерным признаком прослоек и линз позднекушанского времени в раскопе явилось отсутствие в них кубков.

Следующий пласт культурного слоя условно можно назвать позднесогдийским. По периодизации Г. В. Григорьева, ему соответствует Тали-Барзу IV, датируется он, по данным А. И. Тереножкина, V—VII вв.³⁰, что совпадает и с нашими данными. Для наслоений этого времени в особенности характерны кубковидные чаши (рис. 3, 45), кринки со сливом под венчиком (рис. 3, 46), котлы станковой работы (рис. 3, 48), курильницы (рис. 3, 47). Все эти формы сосудов уже широко известны в памятниках Согда³¹, их наличия достаточно для датировки слоя.

Отметим одну редкую находку, которую возможно отнести к данному слою. В северной части раскопа, почти на краю обрыва, на глубине около

²⁵ В. А. Мешкерис. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962, стр. 15—19.

²⁶ Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. Тр. ОБЭ, II, Л., 1940, стр. 87, 88.

²⁷ А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 69, VI, 1, 4.

²⁸ Е. В. Зеймаль. Археологические разведки в Гиссарской долине. Сб.: «Археологические работы в Таджикистане», VI. Сталинабад, 1961, стр. 130—133; М. Пачос. Из раскопок на Афрасиабе. Сб.: «Из истории культуры народов Узбекистана». Ташкент, 1965, стр. 21, 22.

²⁹ А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 69, VI, 7.

³⁰ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 161.

³¹ С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории южного Согда в III—VI вв. СА, 1963, 1, стр. 223.

Рис. 9. Фрагмент круглого терракотового медальона

1 м от поверхности найден обломок красноглиняного (без ангоба) медальона с частью изображения, нанесенного штампом (рис. 9). Сюжет изображения на обломке устанавливается благодаря тому, что ранее, также на городище Афрасиаб, были найдены два целых медальона этого вида³². На медальоне изображена владетельная женщина, восседающая на троне; находящаяся справа от нее одна из прислужниц подносит ей чашу, а вторая, левая — курительницу с благовониями; прислужницы изображены в нарочито уменьшенном виде.

На найденном нами фрагменте сохранилось изображение прислужницы, подносящей курительницу; кроме того, сохранилась левая согнутая в колене нога владетельницы с ниспадающими складками одежды и нижняя часть жезла (скипетра).

По вопросу о датировке и определению семантики этого памятника пока нет единого мнения. К. В. Тревер предполагает, что на медальоне изобра-

³² К. В. Тревер. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан). Тр. ГЭ, II, М.—Л., 1958, стр. 141, рис. 17; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960, стр. 58, 59.

жены богиня Ардохшо и относит его к кушанскому времени³³. Л. И. Ремпель находит на медальоне признаки искусства Согда VI—VIII вв. и предполагает, что на медальоне изображена не богиня, а царица. Г. А. Пугаченкова принимает истолкование сюжета изображения, предложенное Л. И. Рempelем, но присоединяется к датировке К. В. Тревер, считая медальон древним на основе сопоставления с халчаянским медальоном, на котором изображена, однако, совсем другая сцена³⁴.

Стратиграфические условия нашей находки могли бы, с небольшой поправкой (в сто лет!), подтвердить датировку Л. И. Ремпеля, если бы не сильная перемешанность грунта в верхних наслоениях раскопа, в которых встречаются и фрагменты очень ранних изделий. Однако все же датировка ее устанавливается в известных хронологических пределах (V—VII вв.) достаточно определенно, если рассматривать запечатленный на медальонах образ в развитии. По нашему мнению, если в основе изображения и лежит образ богини Ардохшо, то он пережил продолжительную эволюцию и трансформировался в образ светской владительницы в апофеозе ее благополучия и величия, окутанный культовым флером.

Архитектурные остатки в наслоениях позднекушанского и позднесогдийского периодов незначительны, преимущественно это части глинобитных стен, но в этих наслоениях выявлены отдельные фрагменты кладок из сырцового прямоугольного кирпича размером: $55 \times 30 \times 9$ — 10 см, $48 \times 28 \times 9$ — 10 см, $40 \times 26 \times 11$ — 12 см.

В V—VI вв. в Средней Азии прямоугольный кирпич в строительстве применялся повсеместно, кроме Южного Туркменистана и Хорезма³⁵. В Согде отмечено применение прямоугольного кирпича крупного размера и раньше — в III—IV вв.³⁶

Таким образом, в нашем раскопе выявлены три стадии в развитии строительного дела, характеризующиеся различным размером кирпича. Первая стадия представлена древней крепостной стеной, сложенной из квадратного кирпича, толщина которого была лишь немного меньше половины длины его ребра. Во второй стадии, представленной зданием кушанского времени, кирпич стали делать длиннее в ребре, но значительно тоньше. И, наконец, в остатках зданий IV—VI вв. обнаружен прямоугольный удлиненный кирпич.

Подобное же изменение размеров квадратного кирпича можно наблюдать и в укреплениях Балха: крепостные стены этого города, относимые исследователями к эллинистическому времени (Бактры I), построены из кирпича размером приблизительно в $33 \times 33 \times 13$ — 14 см, с небольшими отклонениями, а при постройке стен Бактры II, возведенных, видимо, при кушанах, наиболее употребительным был кирпич размером 38 — 40×38 — 40×10 — 11 см³⁷. Прямоугольного удлиненного кирпича в исследованных стенах Балха совсем не обнаружено, что может свидетельствовать об отсутствии в этом городе в IV—VI вв. сколько-нибудь крупного фортификационного строительства.

Выше уже было указано, что мощность культурных наслоений исследованного участка городища достигала 6 м. В нижней и средней частях этой толщ наслоений нами выделено четыре слоя, характеризующих четыре крупных периода в истории города: 1) древнесогдийский (VI—IV вв. до н. э.); 2) согдийско-эллинистический (III—I вв. до н. э.); 3) кушанский (I—III вв. н. э.) с позднекушанской прослойкой (III—IV вв.); 4) позднесогдийский (V—VII вв.).

³³ К. В. Тревер. Ук. соч., стр. 139.

³⁴ Г. А. Пугаченкова. Халчаян, стр. 235—238.

³⁵ В. А. Нильсен. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966, стр. 212.

³⁶ С. К. Кабанов. Руины поселения III—V вв. в долине Кашка-Дарьи, стр. 75.

³⁷ M. Le Berge, D. Schlumberger. Observation sur les remparts de Bactres. MDAFA, XIX, Paris, 1964, стр. 92—101.

Не все эти слои сохранились по всей площади раскопа. Древнесогдийский слой, как выше уже было указано, обнаружен только под фундаментом древней крепостной стены, добавим теперь, — на уровне XVIII—XIV ярусов от условного репера (толщина яруса принята в 50 см.). Согдийско-эллинистический слой — единственный из всех слоев, обнаруженный по всей площади раскопа, в северной его части — на уровне древней крепостной стены, в XIV—X ярусах, в южной — под полом древнего (кушанского) здания, находящегося на уровне XIII—XII ярусов от репера. Позднекушанские и позднесогдийские наслоения возможно было проследить в северной и средней частях раскопа, начиная от уровня фундамента древней крепостной стены (XIV—XIII ярусы от репера), в разрушенных ее местах, и до IX яруса. Выше, до VI яруса (уровень современной поверхности в северной части раскопа) сохранились поздние наслоения, местами проникающие (в ямах, землянках) до уровня фундамента древней крепостной стены; выше уже было отмечено, что местами пробит и фундамент.

От более поздних периодов обживания данного участка городища конструктивных остатков сохранилось очень немного — лишь часть глинобитной крепостной стены конца VIII—IX вв., землянки и в одном месте водотвод. При сооружении средневековой стены была использована часть древней крепостной стены, новая кладка ее прикрыла, чем и объясняется ее относительно хорошая сохранность в некоторых местах. В XI — начале XIII вв. на данном участке городища существовало кладбище, перекрывшее все древние наслоения.

Из изложенного видно, что исследование верхних наслоений в нашем раскопе могло дать лишь отрывочные материалы, характеризующие относительно поздние этапы развития города на территории городища Афрасиаб, в VIII — начале XIII вв. — до монгольского завоевания; эти материалы будут рассмотрены в другом месте³⁸. Здесь уместно лишь отметить, что именно верхние наслоения наиболее изучены на Афрасиабе, прежде всего В. Л. Вяткиным³⁹. Много нового выявлено уже и большой стационарной экспедицией⁴⁰, работающей и в настоящее время на этом, одном из крупнейших в Средней Азии городище.

Раскопки Г. В. Григорьева в 1936—1939 гг. на Тали-Барзу под Самаркандом оставили значительный след в истории археологического изучения Согда: это была первая попытка стратиграфического изучения согдийского сельского поселения, в результате которой была предложена и первая шкала периодизации археологических материалов⁴¹. Вскоре после первых сообщений о раскопках на Тали-Барзу А. И. Тереножкин высказал существенные замечания о датировках Г. В. Григорьева, указывая на их сильную завышенность⁴². В 1945—1948 гг. А. И. Тереножкин провел раскопки на городище Афрасиаб и, на основе изучения развалин крупнейшего согдийского города, предложил свою периодизацию материала, используя при этом и результаты работ Г. В. Григорьева. С тех пор периодизация археологических материалов, предложенная А. И. Тереножкиным, широко использовалась археологами, работавшими над исследованием памятников не только Согда, но и всей Средней Азии.

Наш раскоп 6 по площади превосходил любой из раскопов А. И. Тереножкина на Афрасиабе, в нем вскрыты остатки значительных сооружений, прежде всего — древняя крепостная стена и древнее здание. Это дает нам основание в заключение сопоставить намеченную нами выше периодизацию древних наслоений с периодизацией, предложенной А. И. Тереножкиным.

³⁸ Отчет о работах на раскопе 6 «Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб», возможно, будет опубликован полностью.

³⁹ В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб. Ташкент, 1928.

⁴⁰ В. А. Шишкин. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966.

⁴¹ Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. Тр. ОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 87—102.

⁴² А. И. Тереножкин. Литература по археологии в Узбекистане. ВДИ, 1939, 1, стр. 189.

Вместе с тем надеемся, более четко выявятся и некоторые штрихи в истории города.

1. Для характеристики древнейшего периода, названного А. И. Тереножкиным сако-ахеменидским и датированного им VI—IV вв. до н. э. (Афрасиаб I), в нашем раскопе получено немного материалов, но и они имеют существенное значение для изучения стратиграфии данного участка городища. Древнейший период, по нашему мнению, лучше назвать древнесогдийским, это название более точно отражает содержание древнейшего слоя городища, выявленной в нем земледельческой культуры.

II. Гораздо больше получено материалов для характеристики следующего периода в истории города, названного нами согдийско-эллинистическими и датированного III—I вв. до н. э. По периодизации А. И. Тереножкина, этому периоду соответствуют археологические слои Афрасиаб II и Афрасиаб III, датированные им IV—II вв. до н. э.⁴³ Стратиграфически к этому периоду в нашем раскопе, как уже указывалось, относятся древняя крепостная стена, прикрывающие ее наслоения и завалы под древним (кушанским) зданием. Наблюдения над полученными в этих наслоениях материалами не дали нам оснований подразделить его на отдельные комплексы в аспекте хронологической классификации.

Здесь уместно вернуться к вопросу о генезисе одной из характерных керамических форм — кубка (рис. 3, 10): было высказано предположение, что изготовление сосудов этого вида отчасти обусловлено эллинистической традицией⁴⁴. Это предположение не подтвердилось дальнейшими исследованиями⁴⁵, в частности и на Афрасиабе, где в слое IV—III вв. до н. э., непосредственно перекрывающем слой Афрасиаб I⁴⁶, были обнаружены сосуды типа кубков: следовательно, надо полагать, эта керамическая форма — местного происхождения.

Фрагмент древней крепостной стены, открытый в нашем раскопе, — безусловно, важный новый факт в изучении городища, позволяющий установить, что город Мараканда после опустошений, произведенных Александром Македонским⁴⁷ примерно в первой половине II в. до н. э., вновь был отстроен и укреплен. Стена эта вряд ли окружала весь город, видимо, ею была укреплена только северо-западная его часть, западнее цитадели, где в рельефе намечается, как уже указано в начале статьи, возвышенность с прилегающей к ней с запада ложбиной, общей площадью в 9 га; эта особенность рельефа городища была отмечена А. И. Тереножкиным, «плато» с впадиной было определено им как первое укрепление⁴⁸. Керамические материалы этого времени (III—I вв. до н. э.) найдены почти по всей площади городища, однако современные им крепостные стены в других местах пока с определенностью не установлены⁴⁹.

В облике культуры, поскольку она отразилась в нашем материале — керамической посуде, произошли значительные изменения: вместо грубых тяжеловесных сосудов, покрытых серым ангобом, характерных для древнесогдийского слоя, обнаружена целая серия тонкостенных изделий

⁴³ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, III, IV.

⁴⁴ С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм. СА, 1964, 3, стр. 86.

⁴⁵ М. Г. Воробьева. Керамика, Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. Тр. ХАЭЭ, V, М., 1967, стр. 121, 122.

⁴⁶ С. К. Кабанов, Г. В. Шишкина. Древнейшие наслоения городища Афрасиаб. ОНУ, 1968, 3, стр. 54.

⁴⁷ Страбон. География, XI, XI, 4. Л., 1964, стр. 488.

⁴⁸ А. И. Тереножкин. Согд и Шаш. Канд. дис. Л., 1948, стр. 18, 19. Площадь «первого укрепления» А. И. Тереножкин преуменьшил, определив ее в 7 га.

⁴⁹ М. К. Пачос. К изучению стен городища Афрасиаб. СА, 1967, 1, стр. 71. М. К. Пачос ставит под сомнение идентификацию Мараканда — Самарканд; этот вопрос выходит за рамки темы данной статьи, укажем лишь, что в печати находится сборник статей сотрудников экспедиции, в котором много места уделено рассмотрению древнейших материалов из наслоений городища, по нашему мнению, рассеивающих сомнения М. К. Пачоса.

(в фрагментах), изготовленных в хорошей гончарной технике, часто покрытых плотным красным ангобом, иногда с лощением. В этом изменении отразился факт поступательного развития ремесла, а следовательно, и самого города.

III. Следующий период — кушанский — в наших материалах представлен древним зданием и прикрывающими его наслоениями, датируемыми в целом II—III вв.; возможно, что здание построено в конце I в. К этому же периоду тяготеют более поздние наслоения, обнаруженные севернее развалин здания, датируемые III—IV вв. и определенные как позднекушанские. В облке керамических материалов отмечается общее понижение качества изделий, относительная рыхлость черепка, слабый ангоб красновато-бурых оттенков, хотя встречаются и изделия хорошего качества, с плотным ангобом. В составе керамических материалов появились изменения, в общем же преобладание выражена четко.

Таким образом, намечается период в истории города общей продолжительностью с конца I в. по начало V в., которому, по периодизации А. И. Тереножкина, соответствуют слои Тали-Барзу I — Тали-Барзу III.

Нужно прежде всего отметить, что датировка слоя Афрасиаб IV А. И. Тереножкиным заглублена, он относит ее к II—I вв. до н. э.⁵⁰, произошло же это благодаря тому, что кубки, принятые им за «руководящую» керамическую форму, найденные в его раскопе, в то время, в конце 1940-х годов, датировались именно этим временем по известной находке в некрополе на Туп-Хона, где был найден кубок с монетой, являющейся варварским подражанием оболу Евкратиды⁵¹. Теперь уже известно, что сосуды этого типа — кубки — употреблялись в течение длительного времени, на Афрасиабе они известны примерно с III в. до н. э. и до III в. н. э.⁵² Наиболее же показательная находка А. И. Тереножкина этого вида — высокий кубок хорошей сохранности, исходя из типологических наблюдений, может быть датирован I—II вв. н. э., но не II—I вв. до н. э. Об этом могут свидетельствовать и стратиграфические условия находки: этот кубок найден в верхнем слое шурфа⁵³, заложенного А. И. Тереножкиным, видимо, как раз в том месте, где он позднее, в 1947 г., обнаружил кушанское здание, датировка которого, как оказалось, была им заглублена.

Соответственно была заглублена и датировка наслоений Тали-Барзу I, относимая А. И. Тереножкиным к рубежу нашей эры⁵⁴, по своему составу культурный слой этой стадии соответствует позднекушанской прослойке нашего раскопа и может быть датирован III—IV вв.

Приведенная передатировка имеет важное значение для истории города. Если наслоения Афрасиаб IV и Тали-Барзу I датировать II в. до н. э. — I в. н. э., то на Афрасиабе не оказывается наслоений, которые соответствовали бы II—IV вв. н. э., и, следовательно, в истории города как бы обнаруживается длительный перерыв⁵⁵. Известно, что этот вывод был немедленно подвергнут критике⁵⁶. Однако необходимо уточнение, в работах А. И. Тереножкина речь идет именно об упадке, а не о перерыве в жизни города. Несколько выходя за рамки темы данной статьи, нужно отметить, что материалы новейших исследований на Афрасиабе действительно свидетельствуют об упадке городской жизни в первые века нашей эры по сравнению с первыми веками до нашей эры: это выражается не только в ухуд-

⁵⁰ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, V.

⁵¹ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. МИА, 15, стр. 157.

⁵² С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм, стр. 85, 86.

⁵³ А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, 4, стр. 129.

⁵⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, VI.

⁵⁵ А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, стр. 131; его же, Согд и Чач, стр. 160.

⁵⁶ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, 4, стр. 156—160.

шении качества керамики кушанского времени, но также еще и в том факте, что пока при раскопках в разных частях городища чаще обнаруживаются места с согдийско-эллинистической керамикой, чем с кушанской.

Однако датировав слой Тали-Барзу I и соответствующий ему период в жизни древнего поселения рубежом нашей эры, А. И. Тереножкин вынужден был датировку следующих слоев — ТБИ и ТБИИ, растянуть, без дальнейших уточнений, на четыре столетия — с I по IV вв., поскольку начало следующего затем периода — ТБИV — возможно было датировать не ранее чем V в. Вопрос о передатировке наслоений ТБИ — ТБИИ был рассмотрен в недавно опубликованной статье Б. Я. Ставиского⁵⁷.

IV. Позднесогдийский период, датированный V—VII вв., представлен в нашем раскопе лишь частями стен жилых зданий из пахсы и сырцового кирпича, а также относительно небольшим комплексом керамики, в облике которой можно отметить определенное повышение качества. О подъеме гончарного производства может свидетельствовать и факт изготовления котлов на станке. Налицо определенные признаки поступательного развития ремесла, а следовательно, и развития города.

В VII—VIII вв. в Согде в условиях укрепления феодальных отношений и перехода тюркских племен к оседлости происходят сложные преобразования в общественной жизни; эти процессы нашли свое отражение и в керамическом производстве, продукция которого стала резко отличаться от более древних керамических изделий как по приемам изготовления, так и по формам сосудов⁵⁸. Однако для изучения стратиграфии городища в этот и более поздние периоды в нашем раскопе слишком неблагоприятна обстановка из-за сильной перемешанности верхних наслоений.

S. K. Kabanov

A L'ETUDE DE LA STRATIGRAPHIE DE L'OPPIDUM MEDIEVAL AFRASIAB

Résumé

En 1959—1962 et en 1965—1966 dans la partie nord de l'oppidum Afrasiab (ruines de l'antique Samarkand) les travaux archéologiques ont été effectués. Dans la fouille dont la superficie a atteint 1200 m² les ruines d'un mur d'une forteresse antique (II—I ss avant notre ère) et d'un édifice datant des I—III ss de notre ère étaient découvertes. L'épaisseur de la couche d'habitation sur le terrain exploré de l'oppidum atteint 6 mètres; elle se date au total à partir de la moitié du premier millénaire avant notre ère jusqu'à l'envahissement mongol (début du XIII s. de notre ère).

Des couches antiques servant d'objet audit article on a dégagé quatre correspondantes aux quatre grandes périodes de l'histoire de la ville.

Ce sont les couches suivantes: 1. Ancienne couche sogdienne (VI—IV ss avant notre ère). 2. Couche sogdo — hellénique (III—I ss avant notre ère). 3. Couche kouchéenne (I—III ss de notre ère) contenant une couche intermédiaire de la période kouchéenne tardive. 4. Couche sogdienne tardive (V—VII ss de notre ère).

Les dimensions assez considérables de la fouille et les restes importants de construction ont permis de compléter largement les renseignements sur la stratigraphie du Sogde et préciser la datation de certaines de ses couches.

⁵⁷ Б. Я. Ставиский. О датировке ранних слоев Тали-Барзу. СА, 1967, 2, стр. 22—28. Статья Б. Я. Ставиского была опубликована после завершения работы над данной статьей. При сопоставлении датировок Б. Я. Ставиского с материалами нашего раскопа в Афрасиабе трудность заключается в том, что в них не устанавливаются все наслоения, выявленные на Тали-Барзу, а некоторые формы сосудов, как, например, кувшинчики с ленточным орнаментом, имеющие важное значение для периодизации наслоений этого памятника, у нас вовсе отсутствуют. Сопоставление материалов, однако, возможно, достаточно предлагаемую нами таблицу (рис. 3) сопоставить с таблицей А. И. Тереножкина, чтобы установить: выделенная нами позднекушанская прослойка (III—IV вв.) с ее комплексом соответствует ТБИ и ТБИИ, а позднесогдийский слой — ТБИИ и ТБИV.

⁵⁸ Г. В. Григорьев. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда. КСИМК, XII, 1946, стр. 94—103; Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. Тр. ГЭ, V, Л., 1961, стр. 177—200.